

З В Е З Д Ы М И Р О В О Г О Д Е Т Е К Т И В А

Превосходная
серия.

The Washington Post
Book World

ЛИ ЧАЙЛД

Д Ж Е К Р И Ч Е Р :

КРОВАВОЕ ЭХО

A man in a dark jacket and pants is walking away from the viewer down a long, straight road at night. The road is illuminated by a car's headlights in the distance. To the left, there is a windmill and a barn. The sky is dark with several bright lightning bolts striking down. The overall mood is mysterious and suspenseful.

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О « А З Б У К А »

Ли Чайлд
Джек Ричер. Кровавое Эхо
Серия «Джек Ричер», книга 5
Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68676145

Джек Ричер : Кровавое Эхо : роман / Ли Чайлд ; пер. с англ. В. Гольдича, И. Оганесовой: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2023

ISBN 978-5-389-22190-1

Аннотация

Автостоп – ненадежный способ передвижения. К тому же в такую жару ни один водитель не откроет дверь кабины настолько, чтобы вы успели забраться внутрь. Таковы выводы Джека Ричера, бывшего военного полицейского, который спешно покидает тexasский городок из-за проблем с одним местным копом. Джеку без разницы, кто согласится подвезти его, лишь бы это было поскорее. К его полному изумлению, машина останавливается на раскаленной дороге через три минуты после того, как он проголосовал. Это личный рекорд Ричера. Тем более что за рулем роскошного «кадиллака» женщина – красивая, молодая и, судя по всему, богатая. Но обольщаться рано – ею движет вовсе не сердечная доброта и не внезапно вспыхнувшее

влечение к незнакомцу. Кармен Грир угрожает опасность, и она рассчитывает на его помощь. Ее план звучит невероятно, если не сказать дико, но, во-первых, Ричеру в прямом смысле некуда деваться, а во-вторых, он никогда не мог устоять перед дамой, попавшей в беду. Рисковать ему не в диковинку, и если уж Джек Ричер не сможет все уладить, то кто тогда?..

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	45
Глава 3	91
Глава 4	122
Конец ознакомительного фрагмента.	160

Ли Чайлд

Джек Ричер: Кровавое Эхо

Lee Child

ECHO BURNING

Copyright © Lee Child 2001

This edition is published by arrangement with Darley
Anderson Literary,

TV & Film Agency and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Владимира Гольдича, Ирины Ога-
несовой

© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2008

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022 Издательство Азбука®

Неправильно думать, будто писательство – это занятие одиночки-отшельника. На самом деле это командная игра, и я счастлив иметь на своей стороне талантливых и благожелательных людей везде, где печатают мои произведения. Таким образом, если вы когда-либо рекламировали, продавали или даже просто хвалили одну из моих книг, эти слова относятся и к вам. Вас слишком много, чтобы называть каждого поименно, но вы слишком важны, чтобы не упомянуть о вас вовсе.

Глава 1

Наблюдателей было трое: двое мужчин и мальчик. Из-за расстояния они пользовались не биноклями, а подзорными трубами. Они находились почти в миле от своей цели, поскольку ближе укрытия найти не удалось. Со всех сторон их окружала ровная местность с невысокими холмами, выжженная солнцем до цвета хаки, – трава, камни и песок. Самым безопасным местом, где они смогли спрятаться, было довольно широкое ущелье, появившееся миллионы лет назад, когда здесь царствовал другой климат, шли дожди, росли папоротники и несли свои воды реки.

Мужчины лежали, прижавшись к пыльной земле, и неотрывно смотрели в подзорные трубы, а утреннее солнце проливало свой жар на их спины. Мальчик ползал вокруг них на коленях, носил воду из маленького холодильника, следил за просыпающимися гремучими змеями и делал записи в блокноте. Они приехали еще затемно в пыльном пикапе издалека, с запада, по пустынной местности. Накинув кусок брезента на грузовик, прижали его камнями, а сами осторожно подобрались к краю ущелья, где поставили подзорные трубы как раз в тот момент, когда утреннее солнце появилось на востоке за красным домом примерно в миле от них. Была пятница, пятое утро, которое они здесь проводили, и разговаривать им не особенно хотелось.

– Время? – спросил один из мужчин.

Голос его звучал гнусаво из-за того, что один глаз у него был открыт, а другой зажмурен.

Мальчик посмотрел на часы и ответил:

– Шесть пятьдесят.

– Внимание, – сказал мужчина с подзорной трубой.

Мальчик открыл блокнот и приготовился сделать те же записи, какие делал вот уже четыре раза.

– В кухне зажегся свет, – сообщил мужчина.

Мальчик записал: «6:50. В кухне зажегся свет». Кухня выходила окнами прямо на них и на запад, в нее не проникали лучи утреннего солнца, и потому в ней было темно даже после восхода.

– Одна? – спросил юноша.

– Как всегда, – прищурившись, проговорил второй мужчина.

«Кухарка готовит завтрак, – записал мальчик. – Объект еще в постели».

Солнце медленно поднималось, описывая дугу на небе, и тени начали укорачиваться. На крыше красного дома, прямо над кухней, торчала высокая труба, похожая на стрелку солнечных часов. Тень от нее сдвинулась и стала короче, а солнце принялось сильнее припекать спины наблюдателей. Семь часов утра, и уже так жарко. К восьми его лучи будут обжигающими, к девяти станет невыносимо. А им придется просидеть здесь целый день, пока не стемнеет и они не смо-

гут незаметно покинуть свой пост.

– Открываются шторы в спальне, – сообщил второй мужчина. – Она встала.

Мальчик записал: «7:04. Открылись шторы в спальне».

– А теперь слушайте, – сказал первый мужчина.

Они услышали, как включилась колодезная помпа: едва различимый с расстояния в милю щелчок, затем ровное тихое гудение.

– Она принимает душ, – сказал мужчина.

Мальчик записал: «Объект принимает душ».

Мужчины дали отдых своим глазам. Пока она находилась в душе, ничего не могло произойти. Естественно, не могло. Они опустили подзорные трубы и заморгали, когда ослепительное солнце ударило им в глаза. Помпа выключилась через шесть минут, и тишина, наступившая после прекращения едва различимого гудения механизма, показалась им оглушительной. Мальчик написал: «7:12. Объект вышел из душа». Мужчины снова поднесли подзорные трубы к глазам.

– Думаю, она одевается, – сказал первый мужчина.

Мальчик захихикал:

– Ты видишь ее голую?

Второй мужчина, устроившийся в двадцати футах к югу, видел заднюю часть дома, где располагалась ее спальня.

– Тебе кто-нибудь говорил, что ты мерзкий тип? – спросил он.

Мальчик написал: «7:15. Возможно, одевается». Затем:

«7:20. Возможно, находится внизу и завтракает».

– Она снова поднимется наверх, чтобы почистить зубы, – сказал он.

Мужчина слева сдвинулся, опираясь на локти.

– Ясное дело, – проговорил он. – Правильная малышка.

– Снова закрывает шторы, – сообщил мужчина справа.

Так всегда делают на западе Техаса, в особенности когда окна спальни выходят на юг, как это окно. Если только вы не хотите провести следующую ночь в комнате, где воздух горячее, чем в печи для приготовления пиццы.

– Внимание, – сказал мужчина. – Ставлю один бакс против десяти на то, что она сейчас отправится в конюшню.

Никто не принял его вызов, потому что до сих пор четыре раза из четырех она так и поступала, а наблюдателям платят именно за то, чтобы они обращали внимание на схему поведения.

– Дверь кухни открывается.

Мальчик записал: «7:27. Открылась дверь кухни».

– Она выходит.

Она появилась в голубом льняном платье до колен, с голыми плечами. Влажные после душа волосы были завязаны в хвост.

– Как называется такое платье? – спросил мальчик.

– Сарафан, – ответил мужчина слева.

«7:28. Выходит в голубом сарафане, идет к конюшне», – записал мальчик.

Она прошла по двору короткими неуверенными шажками, спотыкаясь о неровности пропеченной на солнце земли, примерно семьдесят ярдов. Открыла дверь и скрылась в полумраке внутри.

Мальчик записал: «7:29. Объект в конюшне».

– Сколько сейчас градусов? – спросил мужчина слева.

– Тридцать семь, наверное, – ответил мальчик.

– Скоро начнется буря. При такой жаре иначе и быть не может.

– За ней уже едут, – проговорил мужчина справа.

На расстоянии нескольких миль к югу дорогу окутали тучи пыли. Медленно и упрямо на север катила машина.

– Она возвращается, – доложил мужчина справа.

«7:32. Объект выходит из конюшни», – зафиксировал мальчик.

– Кухарка подошла к двери.

Та, за кем они следили, остановилась у двери на кухню и взяла из рук кухарки коробку для завтрака из ярко-голубой пластмассы с картинкой из мультфильма на боку. Она на мгновение задержалась. Ее кожа была розовой и влажной от жары. Она наклонилась поправить носки, затем быстрым шагом направилась к воротам, вышла и зашагала к повороту дороги. Школьный автобус затормозил и остановился, дверь открылась с шипением, которое четко слышали наблюдатели, несмотря на урчание мотора. Хромированные ручки блеснули в лучах солнца, в горячем неподвижном воздухе

повисли облака выхлопа. Она поставила коробку с завтраком на верхнюю ступеньку, ухватилась за поручни и забралась внутрь. Дверь снова закрылась, и наблюдатели увидели на уровне окна ее светлые волосы. Затем рокот мотора стал громче, и автобус, подняв клубы пыли, сорвался с места.

«7:36. Объект едет на автобусе в школу», – записал мальчик.

Дорога на север была совершенно прямой, и он наблюдал за автобусом, пока висящее на горизонте марево не превратило его в мерцающий желтый мираж. Тогда он закрыл свой блокнот и закрепил его резинкой. Кухарка вернулась в красный дом и закрыла за собой дверь кухни. Примерно в миле от него наблюдатели опустили подзорные трубы и подняли воротники, чтобы хоть как-то защититься от обжигающего солнца.

Семь тридцать семь. Утро пятницы.

Семь тридцать восемь.

В семь тридцать девять больше чем в трехстах милях к северо-востоку Джек Ричер вылез в окно своего номера в мотеле. Минутой раньше он находился в ванной комнате и чистил зубы. А еще за минуту до этого он открыл дверь своего номера, чтобы посмотреть, какая погода, и оставил ее открытой. В шкафу, стоящем у входа, была зеркальная дверца, а в ванной имелось зеркало для бритья, и по чистой случайности он увидел, как четверо мужчин вышли из машины

и направились к стойке портье. Ему просто повезло, но, поскольку Джек Ричер отличался наблюдательностью и всегда был настороже, ему везло чаще, чем другим.

Это была полицейская патрульная машина со значком на двери, и благодаря яркому солнцу и двойному отражению Ричеру удалось прочитать надписи на дверце. Наверху было написано: «Городская полиция», а пониже красовалась впечатляющая бляха, под которой значилось: «Лаббок, Техас». Все четверо мужчин были в форме, у всех надеты широкие ремни с пистолетами, рациями, тяжелыми дубинками и наручниками. Трех из них он никогда не видел, а вот четвертого уже встречал – высокого тяжеловеса с короткими светлыми волосами, смазанными специальным гелем и зачесанными назад, и мясистым красным лицом. Сегодня это лицо украшала сияющая алюминиевая шина, закрепленная на сломанном носу. Правую руку с повязкой на сломанном указательном пальце тоже поддерживала шина.

Вчера вечером у него ничего такого не было, а Ричер не знал, что он коп. Этот парень выглядел как обычный придурок в баре. Ричер зашел туда, потому что ему сказали, будто там хорошая музыка, но оказалось, что это не так. Ричер отошел от оркестра и уселся на табурет возле стойки бара, чтобы посмотреть И-эс-пи-эн¹ по телевизору с выключенным звуком, прикрепленному к стене. В заведении было много народа, и он втиснулся между женщиной, сидевшей справа, и

¹ ESPN – спортивный канал кабельного телевидения.

крупным мужчиной с короткой стрижкой, который пристроился слева. Довольно скоро спортивная передача ему наскучила, и он повернулся, разглядывая посетителей. Тут-то он и заметил, как ест парень слева.

Парень был в белой безрукавке и ел куриные крылышки. Крылышки были очень жирные, а парень оказался жутким неряхой. Жир с подбородка и пальцев капал на рубашку, на которой расплзлось громадное пятно. Однако негласные правила поведения в баре требуют не обращать внимания на такие вещи, а парень увидел, что Ричер на него смотрит.

– Ты это на кого уставился? – спросил он тихо и очень агрессивно.

Ричер его проигнорировал.

– Ты на кого уставился? – снова спросил парень.

По личному опыту Ричер знал, что, если такой вопрос задают один раз, ничего не происходит, а вот если его повторяют, жди неприятностей. Главная проблема состоит в том, что они принимают молчание за страх. И думают, что победа на их стороне. Впрочем, они все равно не дают тебе возможности ответить.

– Ты на меня пялишься? – спросил парень.

– Нет, – ответил Ричер.

– Не смей на меня пялиться, малыш, – заявил парень.

По тому, как он произнес слово «малыш», Ричер пришел к выводу, что он, скорее всего, мастер на лесопилке или на хлопкоперерабатывающем заводе. Иными словами, на лю-

бом местном производстве, требующем грубой физической силы. Что-нибудь вроде семейной профессии, которая передается из поколения в поколение. Разумеется, слово «коп» даже не пришло ему в голову. Но с другой стороны, он совсем недавно приехал в Техас.

– Не смей на меня смотреть, – повторил парень.

Ричер повернул голову и взглянул на него. Вовсе не затем, чтобы позлить. Он хотел его оценить. Жизнь способна бесконечно преподносить сюрпризы, и потому Ричер знал, что рано или поздно встретит человека, который будет обладать такой же силой, как и он. Но ему сразу стало ясно, что это произойдет не сегодня. Он улыбнулся и отвернулся.

Тогда парень ткнул в него пальцем.

– Я же сказал тебе, чтобы ты на меня не глазел, – сказал он.

Палец был толстым и очень жирным. На рубашке Ричера осталось грязное пятно.

– Не делай этого, – посоветовал ему Ричер.

Парень снова ткнул в него пальцем.

– А что будет? – спросил он. – Что ты мне сделаешь?

Ричер опустил глаза и увидел на рубашке два пятна. Парень повторил свои действия. Три пятна. Ричер сжал зубы. В конце концов, что такое три жирных пятна на рубашке? Он начал медленно считать до десяти. Но прежде чем он дошел до восьми, парень снова ткнул в него жирным пальцем.

– Ты что, глухой? – спросил Ричер. – Я же сказал тебе,

чтобы ты этого не делал.

– Хочешь меня наказать?

– Нет, – ответил Ричер. – Совсем не хочу. Я только хочу, чтобы ты перестал это делать.

– В таком случае ты трусливый кусок дерьма, – с улыбкой заявил парень.

– Как скажешь, – не стал спорить с ним Ричер. – Только держи подальше от меня свои руки.

– Или что? Что ты сделаешь?

Ричер продолжил считать: «Восемь, девять...»

– Хочешь выйти поговорить? – спросил парень.

«Десять».

– Узнаешь, если еще раз ко мне прикоснешься, – ответил Ричер. – Я предупредил тебя четыре раза.

Парень замер на миг, а потом, разумеется, решил вернуться к своим развлечениям. Ричер поймал его палец на полпути и сломал около первой костяшки. Просто дернул вверх, словно ручку двери. А затем, потому что гнусный тип его разозлил, наклонился вперед и ударил его головой в лицо. Движение получилось гладким и уверенным, но примерно в половину силы. Зачем отправлять человека в кому из-за четырех жирных пятен на рубашке? Он чуть сдвинулся в сторону, освобождая место, чтобы парню было куда упасть, и невольно толкнул женщину справа.

– Извините, мэм, – сказал он.

Она едва заметно кивнула, не очень понимая, из-за чего

поднялся шум, поскольку ее интересовало только содержимое ее стакана. Верзила тихонько повалился на пол, и Ричер ногой перевернул его на бок. Затем носком ботинка откинул его голову назад, чтобы в дыхательные пути поступал воздух. Парамедики называют такое положение восстановительным, поскольку так человек, потерявший сознание, не может задохнуться.

После этого Ричер заплатил за выпивку, вернулся в motel и даже думать забыл про того парня, пока не увидел его в зеркале в ванной, да еще в форме полицейского. Он быстро обдумал ситуацию.

Первую секунду он потратил на оценку углов отражения. «Если я его вижу, значит ли это, что он может видеть меня?» Ответ: «Да, естественно, как только посмотрит в нужную сторону». Пока он еще не смотрел. Вторую секунду Ричер ругал себя. Он должен был обратить внимание на некоторые детали. Кто станет тыкать пальцем в человека его телосложения, не обладая каким-либо защитным статусом? Статусом, дающим воображаемую неприкосновенность? Ему следовало быть внимательнее.

И что теперь делать? Парень из бара оказался копом на своей территории. А Ричер из тех, кого легко заметить. Кроме всего прочего, у него на рубашке осталось четыре жирных пятна и свежий синяк на лбу. Наверняка эксперты смогут сравнить его форму со сломанным носом типа.

Так что же теперь делать? Разъяренный коп, мечтающий

о мести, может доставить кучу неприятностей. Огромную кучу неприятностей. Шумный публичный арест, возможно, со стрельбой и, вне всякого сомнения, игры «один против четверых» в какой-нибудь удаленной от остальных камере в участке, когда ты не можешь дать сдачи, чтобы не усложнить свое положение. Затем бесконечные и весьма неприятные вопросы, поскольку Ричер не носил с собой никаких документов и вообще ничего такого, если не считать зубной щетки и пары тысяч долларов в кармане брюк. Поэтому к нему отнесутся как к очень подозрительной личности. Почти наверняка предъявят обвинение в нападении на офицера полиции. В Техасе это, должно быть, серьезное обвинение. Тут же появятся свидетели, которые заявят, что нападение было умышленным и ничем не спровоцированным. И он может получить от семи до десяти в каком-нибудь заведении строгого режима, что явно не входило в его планы.

Значит, бесстрашие должно уступить место осторожности. Ричер положил зубную щетку в карман, прошел через комнату и открыл окно. Отцепил сетку и бросил на землю. Затем вылез наружу, закрыл окно, вернул сетку на место и вышел через пустую парковку на ближайшую улицу. Повернул направо и шагал вперед до тех пор, пока его не скрыло из виду невысокое здание. Он начал оглядываться по сторонам в поисках автобуса. Ничего. А как насчет такси? Тоже ничего. Тогда он поднял вверх большой палец. По его представлениям, у него было минут десять, чтобы найти кого-то,

кто его подберет, прежде чем полицейские закончат с мотелем и начнут объезжать улицы. Десять минут, может быть, пятнадцать, но это максимум.

А значит, ничего не получится. Просто не может получиться. Семь тридцать девять утра, а температура воздуха уже перевалила за тридцать пять градусов. Никто его не подберет, потому что в такую жару ни один водитель на планете не откроет дверь своей машины настолько, чтобы он успел забраться внутрь, не говоря уже о вопросах насчет того, куда ему нужно попасть. Выходит, он не успеет вовремя найти путь к отступлению. Это совершенно невозможно. Ричер начал обдумывать альтернативные варианты, поскольку был уверен, что здесь тупик. Но он ошибся. Да и вообще весь этот день оказался полон сюрпризов и неожиданностей.

Убийц было трое: двое мужчин и женщина. Профессиональная команда, которая работала в других штатах, но базировалась в Лос-Анджелесе. Связаться с ними можно было через посредников в Далласе и Вегасе. Они занимались этим ремеслом вот уже десять лет и отлично справлялись со своей работой: умели разобраться с трудными ситуациями, возникающими в разных местах на юго-западе, и остаться в живых, чтобы получить гонорар и продолжать брать заказы столько раз, сколько их попросят. Десять лет, и ни намек на проблемы. Прекрасная команда. Педантичная, изобретательная, добивающаяся во всем совершенства. Идеальная

для их необычного маленького мирка. Они великолепно в него вписывались. Белые, безмянные, с незапоминающейся внешностью. Вместе они были похожи на служащих компании фотокопировальных устройств, которые спешат на очередное заседание, посвященное продажам.

Впрочем, их никто и никогда не видел вместе – кроме жертв. Они путешествовали порознь. Один всегда ездил на машине, двое других летали на самолетах – разными рейсами и маршрутами. На машине ездил мужчина, потому что они старались оставаться незаметными, а женщина, отправившаяся в одиночку на большое расстояние, может привлечь внимание. Машину всегда брали напрокат, всегда у терминала прибытия международного аэропорта Лос-Анджелеса, где собиралось больше всего в мире народа. Это всегда был семейный седан неприметного грязно-серого цвета. Права и кредитная карта всегда были настоящими, выданными по всем правилам в каком-нибудь удаленном штате несуществующему человеку.

Мужчина подождал на тротуаре, а когда пассажиры, прилетевшие очередным рейсом, устремились к багажной стойке, он присоединился к ним, став одним из сотни. Он был невысоким, смуглым, в руках держал вещмешок и дорожную сумку и выглядел таким же несчастным и затравленным, как и остальные пассажиры.

Заполнив у стойки бумаги, мужчина отправился на автобусе к станции проката машин и нашел свой автомобиль. Он

бросил вещи в багажник, дождался чека и выехал на улицу. Около сорока минут он провел в пути, нарезая широкие, совершенно бессмысленные круги, чтобы убедиться в том, что за ним никто не следит. Затем он повернул в сторону Западного Голливуда и остановился возле закрытого гаража в переулке за салоном по продаже нижнего белья. Не выключая двигателя, он открыл ключом дверь гаража, потом багажник и поменял свой вещмешок и сумку на два больших чемодана из плотного черного нейлона. Один из чемоданов был очень тяжелым. Именно он являлся причиной того, что мужчина путешествовал на машине, а не летел самолетом. В нем лежали вещи, которые лучше держать подальше от систем безопасности аэропортов.

Смуглый мужчина закрыл гараж и отправился на восток по бульвару Санта-Моника, повернул на юг на шоссе 101, а затем снова на восток на 10-е. После чего устроился поудобнее, приготовившись к двум дням пути до Техаса. Он не курил, но зажигал бесчисленные сигареты и держал их между пальцами, стряхивая пепел на коврик, приборную доску и руль. Когда сигарета догорала, он гасил ее в пепельнице. Прокатной компании придется тщательно пропылесосить машину, обрызгать освежителем воздуха и протереть специальной жидкостью все поверхности. Таким образом будут уничтожены все его следы, включая отпечатки пальцев.

Второй мужчина тоже двинулся в путь. Он был выше, тяжелее, с более светлыми волосами и такой же непримеча-

тельной внешностью. Он встал в длинную очередь, выстроившуюся в аэропорту Лос-Анджелеса в конце рабочего дня, и купил билет до Атланты. Прилетев туда, он поменял свой бумажник на один из пяти лежавших в его дорожной сумке, и совершенно другой человек приобрел билет до Далласа/Форт-Уэрта².

Женщина летела на следующий день. Она пользовалась особыми правами, потому что возглавляла команду. Примерно средних лет, среднего роста и размера, со светло-русыми волосами. В ней не было ничего особенного, за исключением того, что на жизнь она зарабатывала, убивая людей. Она оставила свою машину на долгосрочной стоянке в аэропорту Лос-Анджелеса, что не представляло для нее никакой опасности, поскольку машина была записана на младенца из Пасадены, который умер от кори тридцать лет назад. Женщина доехала на автобусе компании до терминала и воспользовалась фальшивой карточкой «Мастеркард», чтобы купить билет, и настоящими водительскими правами, выданными в Нью-Йорке, чтобы охрана у ворот могла взглянуть на ее фотографию. Она села в самолет, когда мужчина в машине начал свой второй день пути.

В первый день после второй остановки для заправки он свернул с дороги в горы Нью-Мексико и нашел пустынный пыльный уступ, где, присев на корточки в холодном разре-

² *Даллас/Форт-Уэрт* – международный аэропорт, второй крупнейший аэропорт страны после аэропорта О’Хара.

женном воздухе, сменил на машине калифорнийские номера на арizonские, которые достал из самого тяжелого чемодана. Затем он вернулся на шоссе и ехал еще час, потом остановился около мотеля, заплатил наличными, назвав адрес в Тусоне, и позволил служащему мотеля переписать арizonские номера в регистрационную карточку.

Он проспал шесть часов, включив вентилятор на самый минимум, и рано утром снова отправился в путь. В конце второго дня он добрался до Далласа/Форт-Уэрта и поставил машину на долгосрочную стоянку в аэропорту. Забрал чемоданы и на автобусе доехал до выхода на посадку. Оттуда по эскалатору спустился в зал прибытия и встал в очередь к стойке «Херца»³, потому что они давали напрокат «форды», а ему требовался «форд-краун-виктория».

Смуглый мужчина заполнил все бумаги, предъявив удостоверение личности, выданное в Иллинойсе, доехал на автобусе до стоянки и отыскал свой автомобиль. Непримечательный, стального цвета с голубым отливом, ни светлый, ни темный. Как раз то, что ему требовалось. Он забросил вещи в багажник и поехал в мотель, расположенный рядом с новым бейсбольным стадионом на дороге из Форт-Уэрта в Даллас. Показал то же самое иллинойское удостоверение личности, поел и проспал несколько часов. Он встал рано и встретился со своими напарниками на залитой обжигающим солнцем площадке перед мотелем как раз в тот момент, ко-

³ «Херц» – американская компания по прокату автомобилей.

гда в четырехстах милях от них, в Лаббоке, Джек Ричер выставил большой палец.

Вторым сюрпризом после того, как Ричер увидел копа около мотеля, стало то, что ему удалось остановить машину через три минуты. Он еще даже не начал потеть, и его рубашка оставалась совершенно сухой. Третьим сюрпризом явился тот факт, что за рулем сидела женщина. А четвертым, и самым большим, – направление, которое принял их разговор.

Ричер ездил автостопом большую часть двадцати пяти лет, в таком количестве самых разных стран, что все и не назвать, и промежуток в три минуты между тем мгновением, когда он поднял палец, и тем, когда залез в машину, оказался самым коротким на его памяти. Основываясь на личном опыте, Ричер считал, что как средство передвижения автостоп умирает. Водители, которые на этом зарабатывали, имели проблемы со страховкой, а обычные граждане предпочитали не брать незнакомых людей. Кто знает, а вдруг ты псих? В случае Ричера дело обстояло совсем плохо, особенно сейчас. Он не был аккуратно одетым, безобидным мужчиной маленького роста. Как раз наоборот, он был высоким, шести футов пяти дюймов, крупным, могучего телосложения, весом около двухсот пятидесяти фунтов. При ближайшем рассмотрении выяснялось, что он к тому же еще не слишком опрятно одет, небрит и волосы торчат в разные стороны. В общем, у обычных людей он вызывал опасения, и они стара-

лись держаться от него подальше. А в настоящий момент его лоб украшал свежий синяк. Вот по какой причине его удивили три минуты.

Почему его удивила женщина за рулем? Существует негласный порядок, основанный на подсознательной оценке риска. В самом начале списка стоят молодые девушки, которые без проблем могут договориться с пожилым водителем, потому что не представляют для него угрозы. Хотя сейчас появилось множество авантюристок, требующих сто баксов за отказ от ложных обвинений в сексуальном домогательстве. В любом случае крупный лохматый тип стоит в самом конце списка и вряд ли может рассчитывать, что ему откроет дверцу своего дорогого автомобиля хорошо одетая, стройная женщина.

Ричер шел быстрым шагом на юго-запад от мотеля, ошеломленный невероятной жарой и ослепленный ярким солнцем, выставив вверх большой палец, когда она остановилась возле него и широкие покрышки ее машины с влажным шипением заскользили по асфальту. Машина была белой, и солнце, отражавшееся от капота, ослепило Ричера. Он повернулся к женщине в тот момент, когда она открыла окно со стороны пассажирской двери. Семь сорок пять, утро пятницы.

– Куда? – спросила она, словно была водителем такси.

– Все равно, – ответил Ричер.

И тут же пожалел о своей глупости, потому что, когда те-

бе все равно, куда ехать, это плохо. Тогда тебя принимают за бродягу, который бессмысленно болтается по стране, и это делает людей подозрительными и вызывает у них опасения, что им не удастся от тебя избавиться. А вдруг ты захочешь доехать с ними до их дома? Но женщина за рулем лишь кивнула.

– Ладно, – сказала она. – Я еду в Пекос.

Ричер от удивления на миг замер на месте. Женщина слегка опустила голову и смотрела на него в окно.

– Отлично, – ответил он, сошел с тротуара, открыл дверцу и сел в машину.

Внутри оказалось очень холодно. Кондиционер ревел, работая на максимум своих возможностей, сиденье было кожаным, и у Ричера возникло ощущение, будто он уселся на кусок льда. Когда он захлопнул за собой дверь, женщина нажала на кнопку со своей стороны и закрыла окно.

– Спасибо, – сказал Ричер. – Вы даже представить себе не можете, как я вам благодарен.

Она промолчала, только отмахнулась от него и повернулась назад, чтобы посмотреть на дорогу у себя за спиной. Люди подвозят других людей по самым разным причинам. Возможно, когда они были моложе, они много ездили авто-стопом, а теперь, когда их жизнь устроилась и все у них в полном порядке, они хотят вернуть старые долги. Вот такой круговорот. А может быть, у них добрая душа. Или им одиноко и хочется поговорить.

Впрочем, если эта женщина хотела поговорить, она не слишком с этим спешила. Она дождалась, пока мимо проедет парочка грузовиков, и молча пристроилась за ними. Ричер огляделся по сторонам, рассматривая ее машину. «Кадиллак», двухдверный, длинный, как корабль, и невероятно роскошный. Похоже, ему было года два, но выглядел он так, словно его только что купили. Кожаная обивка цвета старой кости, тонированные стекла оттенка пустой бутылки из-под французского вина. На заднем сиденье – записная книжка и небольшой портфель. Книжка в черной обложке, кажется пластиковой. Портфель из потертой воловьей кожи, одна из тех вещей, которые выглядят старыми уже тогда, когда вы их покупаете. Портфель был открыт, и из него выглядывала пачка сложенных бумаг вроде тех, какие можно увидеть в адвокатских конторах.

– Если хотите, можете отодвинуть сиденье, – сказала женщина. – Устраивайтесь поудобнее.

– Спасибо, – повторил Ричер.

Он нашел на двери нужные кнопки в форме подушек для сиденья, принялся на них нажимать, и механизмы отодвинули его кресло назад и откинули спинку. Ричер опустил сиденье, чтобы быть не очень заметным снаружи. Механизмы негромко урчали, и у него возникло ощущение, будто он оказался в кресле дантиста.

– Ну вот, значительно лучше, – сказала женщина. – Так вам удобнее.

Ее кресло было плотно придвинуто к рулю, потому что она была маленького роста. Ричер слегка повернулся и искоса стал разглядывать ее. Невысокая, стройная, со смуглой кожей, изящная. Очень миниатюрная. Примерно сто фунтов, около тридцати лет. Длинные, вьющиеся черные волосы, карие глаза, маленькие белые зубы, напряженная полуулыбка. Похоже, мексиканка, решил Ричер, но не из тех, кто переплывает Рио-Гранде в поисках лучшей жизни. Не вызывало сомнений, что предки этой женщины наслаждались лучшей жизнью в течение сотни лет. Это было в ее генах. Она выглядела как ацтекская принцесса. На ней было простое хлопчатобумажное платье с бледным рисунком, без рукавов и до колена. Ничего особенного, но сразу видно, что из дорогих. Ее руки и ноги, гладкие и темные, казались тщательно отполированными.

– Итак, куда вы направляетесь? – спросила она. Помолчала немного и улыбнулась. – Нет, я уже об этом спрашивала, и мне не показалось, что вы знаете, куда вам нужно.

У нее был настоящий американский акцент, скорее западный, чем южный. Она вела машину двумя руками, и Ричер заметил кольца, тонкое обручальное и платиновое с большим бриллиантом.

– Все равно куда, – сказал он. – Я хочу попасть туда, где я окажусь.

Она помолчала и снова улыбнулась.

– Вы от чего-то убегаете? Неужели я подобрала опасного

беглеца?

Ее улыбка означала, что вопрос несерьезный, но Ричер вдруг подумал, что она напрасно шутит. В данных обстоятельствах этот вопрос был не столь уж бессмысленным. Она рисковала. И именно такой риск убивал автостоп в качестве средства передвижения.

– Я исследую, – сказал он.

– Исследуете Техас? Его уже давно открыли.

– Как турист, – пояснил Ричер.

– Но вы совсем не похожи на туриста. Туристы приезжают к нам на автобусах, и все они одеты в синтетические спортивные костюмы.

Она снова улыбнулась, когда произнесла это, и Ричер подумал, что ей очень идет улыбка. Она выглядела уверенной, сдержанной и утонченной. Элегантная мексиканка в дорогом платье, непринужденно разговаривающая с незнакомым мужчиной. За рулем «кадиллака». Неожиданно Ричер сообразил, что отвечает на все ее вопросы коротко и немногословно, вспомнил о своих растрепанных волосах и щетине на щеках, о рубашке в жирных пятнах и о мятых брюках. А еще о большом синяке на лбу.

– Вы здесь живете? – спросил он, потому что она сказала: «Туристы приезжают к нам» – и он чувствовал, что должен как-то поддержать разговор.

– Я живу к югу от Пекоса, – ответила она. – Это больше трехсот миль отсюда. Я же сказала вам, что еду туда.

– Я там никогда не был, – проговорил Ричер.

Она замолчала и подождала, пока не переключился световой фар, проехала широкий перекресток и свернула на правую полосу. Ричер наблюдал за тем, как двигается ее бедро, когда она нажимает на педаль газа. Она прикусила нижнюю губу и прищурила глаза. Что-то заставило ее напрячься, но она явно контролировала ситуацию.

– Значит, вы исследовали Лаббок? – спросила она.

– Я видел памятник Бадди Холли⁴.

Ричер заметил, как она посмотрела на радиоприемник, будто подумала: «Если этот парень любит музыку, может, включить ему что-нибудь?»

– А вам нравится Бадди Холли? – спросила она.

– Не очень, – ответил Ричер. – Слишком ручной, на мой вкус.

Она кивнула, не поворачиваясь к нему:

– Согласна. Мне кажется, Ричи Вэлэнс⁵ был лучше. Он тоже из Лаббока.

– Да, я видел его имя на Аллее Звезд в Голливуде.

– Сколько времени вы провели в Лаббоке?

– Один день.

– И снова в путь.

⁴ *Чарльз Хардин Холли* (1936–1959) – американский певец, автор песен, пионер рок-н-ролла.

⁵ *Ричард Стивен Валенсуэла* (1941–1959) – один из первых исполнителей рок-н-ролла, внесший в музыку латиноамериканский колорит.

– Таков план.

– Все равно куда, – сказала она.

– Таков план, – повторил Ричер.

Они выехали за пределы города, миновав маленький металлический указатель на обочине. Ричер усмехнулся про себя. На патрульной машине было написано: «Городская полиция». Ричер повернул голову и проследил взглядом за тем, как опасность остается за спиной.

Мужчины сидели на переднем сиденье «форда-краун». Светловолосый, который был повыше, – за рулем, чтобы дать тому, что пониже, отдохнуть. Женщина устроилась сзади. Они выехали с парковки мотеля и помчались из Далласа по междуштатной автостраде I-20 на запад, в сторону Форт-Уэрта. Они не разговаривали. Огромные пространства Техаса их угнетали. Готовясь к новому заданию, женщина прочитала путеводитель, где говорилось, что штат занимает семь процентов территории Америки и по своим размерам превышает большинство европейских стран. Это не произвело на нее никакого впечатления. Все знают о том, что Техас невероятно гордится своими огромными размерами. Однако в книжке утверждалось, что Техас еще и шире, чем расстояние между Нью-Йорком и Чикаго. Эта информация показалась ей интересной и объясняла, почему им приходится так долго ехать, чтобы попасть из одного места в другое.

Но в машине было тихо, прохладно и удобно – все усло-

вия для того, чтобы отдохнуть и расслабиться. Не хуже, чем в номере какого-нибудь мотеля. В конце концов, им нужно было как-то убить время.

Женщина сбросила скорость и свернула направо, в сторону Нью-Мексико, затем через милю повернула налево, к старому Мехико. Ее платье помялось на животе, как будто она надевала его второй день подряд. В холодном воздухе, дующем из кондиционера, чувствовался едва уловимый аромат ее духов.

– Как вы считаете, Пекан стоит посмотреть? – спросил Ричер у тишины.

– Пекос, – поправила она.

– Да, Пекос.

– Мне он нравится, – ответила она, пожав плечами. – В основном там живут мексиканцы. Мне там комфортно.

Ее правая рука напряглась на руле, и Ричер увидел, как под кожей зашевелились сухожилия.

– Вам нравятся мексиканцы? – спросила она.

– Не больше и не меньше остальных людей.

– Вы не любите людей?

– По-разному.

– А дыня канталупа вам нравится?

– Не больше и не меньше остальных фруктов.

– В Пекосе выращивают самые сладкие канталупы в Техасе, – сообщила она. – А следовательно, по их мнению, во

всем мире. В июле у нас устраивают родео, но вы его уже пропустили. К северу от Пекоса находится «округ любви». Слышали о нем?

Ричер покачал головой:

– Я здесь никогда не бывал.

– Это самый малонаселенный округ в Америке, – пояснила женщина. – Наверное, если не считать кое-каких мест на Аляске. Но зато самый богатый. Население составляет сто десять человек на четыреста двадцать действующих нефтяных скважин.

– В таком случае высадите меня в Пекосе, – кивнув, сказал Ричер. – Судя по всему, это интересное место.

– Здесь был настоящий Дикий Запад, – сказала она. – Разумеется, давным-давно. Техас и Тихоокеанская железная дорога положили этому конец. Там были салуны и все такое. Жуткое место. От названия города был даже образован глагол. Упекосить кого-то означало пристрелить и бросить тело в реку Пекос.

– Жители по-прежнему продолжают так делать?

Женщина улыбнулась, но это была совсем другая улыбка. Элегантность уступила место озорству. Напряжение ушло, и она стала еще привлекательнее.

– Теперь не слишком часто, – сказала она.

– А ваша семья из Пекоса?

– Нет, из Калифорнии, – ответила она. – Я приехала в Техас, когда вышла замуж.

«Продолжай говорить, – подумал Ричер. – Она спасла твою задницу».

– Давно вы замужем? – спросил он.

– Почти семь лет.

– А ваша семья давно живет в Калифорнии?

Женщина помолчала немного и опять улыбнулась.

– Дольше любого другого калифорнийца, это точно, – проговорила она.

Они ехали по пустынной плоской местности, и она прибавила скорость на прямой дороге. Обжигающее небо за ветровым стеклом казалось бутылкочно-зеленым. Термометр на приборной доске показывал, что снаружи сорок градусов, а в машине – всего тринадцать.

– Вы адвокат?

Женщина на мгновение удивилась, потом поняла, в чем дело, и взглянула в зеркало на портфель, лежащий на заднем сиденье.

– Нет, я клиентка адвоката, – пояснила она.

Разговор снова замер. Ричеру показалось, что она нервничает, и это его смущало.

– А еще кто вы? – спросил он.

Она ответила не сразу.

– Чья-то жена и мать. А еще чья-то дочь и сестра. Я держу несколько лошадей. И все. А вы кто?

– Да так, ничего особенного, – сказал Ричер.

– Ну, вы же должны кем-то быть.

– Я много кем был, – проговорил он. – Я был чьим-то сыном и чьим-то братом, а еще чьим-то другом.

– Были?

– Мои родители умерли, брат умер, а подруга меня оставила.

«Не самая лучшая реплика», – подумал Ричер. Женщина промолчала.

– И лошадей у меня нет, – добавил он.

– Мне очень жаль, – проговорила она.

– Что у меня нет лошадей?

– Нет, что вы совсем один в мире.

– Это дело прошлое, – сказал Ричер. – Все совсем не так плохо, как кажется.

– Вы не одиноки?

– Я люблю быть один, – пожав плечами, ответил он.

– А почему вас оставила ваша подруга?

– Уехала работать в Европу.

– Вы не смогли поехать с ней?

– На самом деле она не хотела, чтобы я с ней поехал.

– Понятно, – протянула она. – А вы хотели поехать?

Ричер помолчал, обдумывая ответ.

– Думаю, не хотел, – сказал он наконец. – Пришлось бы осесть на одном месте.

– А вы этого не любите?

Он потрянул головой:

– Две ночи в одном мотеле – и мне уже не по себе.

– Отсюда один день в Лаббоке, – сказала она.

– А следующий – в Пекосе, – добавил Ричер.

– А потом?

Он улыбнулся:

– Что будет потом, я не знаю. И потому мне это нравится.

Женщина некоторое время вела машину молча.

– Значит, вы все-таки от чего-то убегаете, – проговорила

она. – Возможно, вы вели очень упорядоченную жизнь и хотите избавиться от этого чувства.

Ричер снова потрянул головой:

– Нет, как раз наоборот. Вся моя жизнь была связана с армией, а это очень неупорядоченная жизнь, и она мне нравилась.

– Понятно. Наверное, вы привыкли к хаосу, – заметила она.

– Наверное.

Женщина помолчала немного, а потом спросила:

– А как человек может провести всю свою жизнь в армии?

– Мой отец был военным. Я вырос на военных базах, разбросанных по всему миру, а когда повзрослел, решил там остаться.

– Но теперь вы уволились.

– Отличная подготовка, а идти некуда, – подтвердил он.

Ричер видел, что она обдумывает его ответ, заметил, как снова появилось напряжение. Она сильнее нажала на газ, возможно не отдавая себе в этом отчета или чисто инстинк-

тивно. У него возникло ощущение, что ее интерес к нему набирает скорость, совсем как машина.

Корпорация «Форд» собирает «краун-виктории» на заводе в Сент-Томасе в Канаде, десятки тысяч штук в год, и почти все эти машины покупают полицейские департаменты либо компании, содержащие такси или занимающиеся прокатом автомобилей. И лишь ничтожно малое количество приобретают обычные граждане. Подобные дорожные крейсеры больше не пользуются популярностью на рынке, а безумцам, которые желают получить такой автомобиль, компания «Форд моторс» предоставляет «меркури-гранд-маркиз» – то же самое, только в нарядной упаковке, да еще за те же деньги. Таким образом, собственные «краун-виктории» встречаются реже, чем «роллс-ройсы», поэтому, когда вы видите такой автомобиль и это не желтое такси и не бело-черная машина с надписью «Полиция» на дверцах, вы невольно приходите к выводу, что перед вами машина отдела расследований. Или она принадлежит какому-либо другому государственному ведомству, например ФБР или Секретной службе. А может, это служебная машина медэксперта или начальника пожарной охраны большого города.

Таково подсознательное впечатление, и существуют способы немного его усилить.

В безлюдной местности на полпути к Абилину высокий светловолосый мужчина свернул с шоссе и поехал по про-

селочной дороге через поля и густые заросли деревьев, пока не нашел пыльный поворот, находившийся, наверное, в десяти милях от ближайшего человеческого существа. Он остановился, выключил двигатель и открыл багажник. Смуглый мужчина вытащил оттуда тяжелый чемодан и положил на землю. Женщина открыла молнию и вручила виргинские номера высокому мужчине. Он достал из чемодана отвертку и сменил тexasские номера на виргинские. Смуглый мужчина снял пластиковые чехлы со всех четырех колес, открыв дешевые черные стальные колеса, и убрал чехлы вместе с номерами в багажник. Женщина отыскала в чемодане четыре радиоантенны, портативные радиы и антенны для мобильных телефонов, купленные по дешевке в специализированной лавке в Лос-Анджелесе. Антенны телефонов она приделала липкой пленкой к заднему стеклу. Дождавшись, когда ее напарник закроет багажник, она пристроила антенны радиы на крышку. Они были на магнитах и ни с чем не соединялись. Они лишь создавали видимость.

Затем невысокий мужчина занял свое законное место за рулем, развернулся и, подняв тучи пыли, спокойно выехал на шоссе. «Краун-виктория», простые стальные колеса, лес антенн, виргинские номера. Возможно, это машина ФБР с тремя агентами внутри, выполняющими срочное задание.

– А чем вы занимались в армии? – как бы между прочим спросила женщина.

– Я был копом, – ответил Ричер.

– Разве в армии есть копы?

– Конечно есть, – сказал он. – Военная полиция. Как особый отдел внутри полицейского управления.

– Я этого не знала, – призналась женщина и замолчала.

Она что-то обдумывала, и Ричер видел, что она волнуется.

– Вы не возражаете, если я задам вам несколько вопросов? – спросила она.

– Вы меня везете.

– Я бы не хотела вас обидеть.

– Это будет довольно трудно сделать, учитывая обстоятельства: сорок градусов снаружи и тринадцать внутри.

– Скоро начнется буря. При такой жаре иначе и быть не может.

Ричер взглянул на небо, окрашенное ветровым стеклом в бутылочно-зеленый цвет, и увидел, что оно ослепительно ясное.

– Я не вижу никаких признаков приближающейся бури, – проговорил он.

По лицу женщины промелькнула улыбка.

– Могу я спросить вас, где вы живете?

– Я нигде не живу, – ответил Ричер. – Я переезжаю с места на место.

– И у вас нет дома?

Он покачал головой и ответил:

– То, что вы видите, – это все мое имущество.

– Вы путешествуете налегке, – отметила женщина.

– Насколько это возможно.

– Вы не работаете? – спросила она.

– Как правило, – кивнув, сказал он.

– Вы были хорошим полицейским? Я имею в виду, в армии?

– Думаю, неплохим. Меня сделали майором и даже дали несколько медалей.

Женщина немного помолчала, прежде чем спросить:

– Тогда почему вы уволились?

У Ричера возникло ощущение, что он пришел на собеседование по поводу работы или кредита.

– Меня сократили, – ответил он. – Холодная война закончилась, им не нужна была большая армия с таким количеством людей, значит, и копов требовалось меньше, чтобы за ними присматривать.

Она кивнула:

– Это как в городе. Если численность населения падает, полицейское управление становится меньше. Дело в ассигнованиях. Налоги или что-то вроде того.

Ричер промолчал.

– Я живу в очень маленьком городке, – сказала женщина. – Он называется Эхо и, как я уже говорила, находится к югу от Пекоса. Это не слишком людное место. Но его называли Эхо не потому, что там разгуливает эхо, как в пустой комнате. Это из древнегреческой мифологии. Девушка по имени Эхо

любила юношу по имени Нарцисс. Но он любил только себя, поэтому она плакала и плакала, пока не потеряла голос. Вот почему наш городок называется Эхо. Жителей в нем совсем мало. Но это еще и округ. Округ и городок. Не такой пустынный, как «округ любви», но полицейского участка у нас нет. Только шериф, и все.

В ее интонациях сквозило что-то непонятное.

– Какие-то проблемы?

– Это очень *белый* округ, – ответила женщина. – Совсем не похожий на Пекос.

– И что?

– Есть ощущение, что в определенный момент проблемы могут возникнуть.

– И этот момент приближается?

Она смущенно улыбнулась.

– Сразу видно, что вы были копом, – проговорила она. – Вы задаете много вопросов. А ведь это я собиралась вас расспросить.

Некоторое время она молча вела машину. Изящные смуглые руки свободно лежали на руле, машина ехала быстро, но женщина явно никуда не спешила. Ричер еще немного понажимал на кнопки в форме подушек и сильнее отодвинул спинку кресла назад. Краем глаза он наблюдал за ней. Она была хорошенькой, но ее что-то беспокоило. Лет через десять у нее появятся симпатичные морщинки.

– А как было в армии? – спросила она.

– Не так, как на гражданке, – ответил Ричер.

– В каком смысле?

– Другие правила, другие ситуации. Свой собственный мир. Достаточно упорядоченный, но в каком-то смысле не имеющий законов. Грубый и нецивилизованный.

– Как Дикий Запад, – проговорила она.

– Наверное, – не стал спорить Ричер. – Миллион людей обучаются в первую очередь делать то, что от них требуется.

Правила появляются потом.

– Как на Диком Западе, – повторила она. – Мне кажется, вам это нравилось.

– Кое-что нравилось.

– Можно задать вам личный вопрос?

– Валяйте, – сказал Ричер.

– Как вас зовут?

– Ричер.

– Это имя или фамилия?

– Меня все называют просто Ричер, – ответил он.

– Можно еще один личный вопрос?

Он кивнул.

– Вам приходилось убивать людей, Ричер? В армии?

– Приходилось.

– Армия ведь именно для этого и существует по большому счету?

– Наверное, – согласился он. – По большому счету.

Женщина снова замолчала, словно пыталась принять ре-

шение.

– В Пекосе есть музей, – сказала она. – Настоящий музей Дикого Запада. Частично это старый салун, а частично гостиница, которая находится рядом. За музеем могила Клея Эллисона. Вы о нем слышали?

Ричер покачал головой.

– Его называли Джентльмен Стрелок, – сообщила она. – Он отошел от дел, а потом попал под колеса телеги, груженной зерном, и умер от травм. Его похоронили и сделали красивый памятник с надписью: «Роберт Клей Эллисон, тысяча восемьсот сороковой – тысяча восемьсот восемьдесят седьмой». Я его видела. Там есть и другая надпись: «Он никогда не убивал тех, кого не следовало убивать». Что вы об этом думаете?

– Хорошая надпись, – сказал Ричер.

– А еще в музее имеется старая газета, выставленная в витрине. Газета из Канзас-Сити. Думаю, это его некролог. Там говорится: «Несомненно, многие из его героических поступков были направлены на правое дело в том смысле, в каком он его понимал».

«Кадиллак» уверенно мчался вперед.

– Хороший некролог, – проговорил Ричер.

– Вы так считаете?

– Ну, если речь идет о некрологе, – кивнув, ответил Ричер.

– А вы бы хотели, чтобы о вас такое написали?

– Пока нет, – сказал Ричер.

Она снова улыбнулась, словно извиняясь за свои слова:

– Ну конечно. А вам хотелось бы заслужить такой некролог? Я имею в виду, когда-нибудь?

– Можно придумать вещи и похуже, – ответил Ричер.

Она замолчала.

– Может, скажете, куда это ведет? – спросил он.

– Дорога? – нервно спросила женщина.

– Нет, наш разговор.

Она еще некоторое время продолжала ехать вперед, затем убрала ногу с педали. Машина замедлила движение и вскоре остановилась на пыльной обочине. Эта обочина переходила в высохшую ирригационную канаву, из-за чего «кадиллак» накренился набок под невероятным углом. Изящным движением запястья женщина поставила машину на ручной тормоз, но не стала выключать двигатель, и кондиционер внутри продолжал реветь.

– Меня зовут Кармен Грир, – сказала она. – И мне нужна ваша помощь.

Глава 2

– Знаете, я ведь не случайно вас подобрала, – сказала Кармен Грир.

Ричер сидел, прислонившись спиной к дверце. «Кадиллак» замер на обочине, точно тонущее судно. Скользящая кожаная поверхность сиденья мешала Ричеру сесть прямо. Кармен положила одну руку на руль, а другую – на спинку пассажирского сиденья, возвышаясь над ним. Ее лицо находилось совсем близко, но прочесть его выражение было невозможно. Она смотрела мимо Ричера, куда-то в пыльную канаву.

– Вы сумеете выехать отсюда? – спросил он.

Она оглянулась на шоссе, поверхность которого мерцала от жары примерно на уровне ее окна.

– Думаю, что смогу, – ответила она. – Надеюсь, что смогу.

– Я тоже на это надеюсь, – проговорил Ричер.

Кармен молча посмотрела на него.

– Итак, почему вы меня выбрали? – поинтересовался он.

– А вы как думаете?

– Понятия не имею, – сказал он. – Я решил, что мне повезло. Подумал, что вы из тех, кто готов прийти на помощь незнакомому человеку.

Она тряхнула головой:

– Нет, я искала человека вроде вас.

– Зачем?

– Я подвозила, наверное, дюжину мужчин, – сказала она. –

И видела сотни. Вот уже целый месяц я ничем другим не занимаюсь. Езжу по Западному Техасу и ищу тех, кого нужно куда-нибудь подбросить.

– Зачем?

Она отмахнулась от его вопроса:

– Поверить невозможно, сколько миль я проехала на этой машине. И сколько истратила денег на бензин.

– Зачем? – снова спросил Ричер.

Кармен молчала, не отвечая на его вопрос, просто сидела и ничего не говорила. Ручка дверцы впивалась Ричеру в почку. Он выгнул спину и сменил положение, прижавшись к ней плечом. И пожалел, что именно она его подобрала. Лучше бы это оказался самый обычный человек, который только и хочет, что добраться из пункта А в пункт Б.

– Я могу называть вас Кармен? – взглянув на нее, спросил Ричер.

– Конечно, – кивнула она.

– Хорошо, Кармен, расскажите мне, что здесь происходит.

Она открыла рот и тут же его закрыла, снова открыла и закрыла.

– Не знаю, с чего начать, – сказала она. – Теперь, когда до этого дошло.

– До чего дошло?

Она не стала отвечать.

– Скажите, чего вы от меня хотите, или я прямо сейчас и здесь выйду из машины, – заявил Ричер.

– Снаружи сорок градусов.

– Я знаю.

– Человек может умереть от такой жары.

– Я рискну.

– Вы не сможете открыть дверь, – сказала она. – Машина слишком наклонена.

– Тогда я выбью ветровое стекло.

Она вздохнула.

– Мне нужна ваша помощь, – повторила она.

– Вы меня не знаете.

– Лично не знаю, но вы подходите по всем параметрам.

– По каким параметрам?

Кармен снова замолчала, а потом едва заметно улыбнулась с иронией.

– Это так трудно, – проговорила она. – Я репетировала свою речь миллион раз, а сейчас не знаю, получится ли у меня что-нибудь.

Ричер ничего не говорил, дожидаясь продолжения.

– Вы когда-нибудь имели дело с адвокатами? – спросила Кармен. – Они никогда ничего для вас не делают. Требуют кучу денег и кучу времени, а потом говорят, что практически ничем не могут помочь.

– Так наймите другого адвоката, – посоветовал Ричер.

– У меня их было четыре, – ответила Кармен. – Четыре за месяц. Они все одинаковые. И ужасно дорогие. У меня недостаточно денег.

– Вы ездите на «кадиллаке».

– Он принадлежит моей свекрови. Я всего лишь взяла его на время.

– У вас кольцо с большим бриллиантом.

Она снова затихла, и глаза у нее потемнели.

– Мне подарил его муж.

– А он не может вам помочь? – спросил Ричер.

– Нет, он не может мне помочь, – ответила она. – Вы когда-нибудь пытались найти частного детектива?

– Мне никогда не был нужен частный детектив. Я сам детектив.

– В реальной жизни их нет, – сообщила Кармен. – Совсем не так, как в кино. Они хотят сидеть в своих конторах и разговаривать по телефону. Или работать на компьютере с базами данных. Они не горят желанием выйти из конторы и действительно что-то для вас сделать. Я добралась до самого Остина. Один человек там сказал, что сможет мне помочь, но ему потребуется шесть человек и десять тысяч долларов в неделю.

– За что?

– Я была в отчаянии, в панике. И тогда у меня появилась эта мысль. Я решила, что, если буду ездить и подбирать людей на дороге, рано или поздно я найду кого-нибудь под-

ходящего. И он захочет мне помочь. Я старалась выбирать очень осторожно. Останавливалась, только если человек казался мне... ну, скажем, грубоватым.

– Вот уж спасибо, Кармен, – проговорил Ричер.

– Я не в плохом смысле, – пояснила она. – Не хотела вас обидеть.

– Но это могло быть опасно.

– Так и было пару раз. Но мне пришлось рискнуть. Мне необходимо кого-нибудь найти. Я представляла, что это будет какой-нибудь ковбой, выступающий на родео, или рабочий с буровой вышки. Ну, вы понимаете, такой крутой мужик, задира, возможно, безработный, у которого полно свободного времени. Из тех, кто не прочь подзаработать. Только я не могу заплатить много. Для вас это проблема?

– Пока что, Кармен, тут все проблема.

– Я со всеми разговаривала, – сказала она. – Ну, понимаете, болтала о том о сем, обсуждала разные вещи, как с вами. Я пыталась понять, что они собой представляют, оценить характер. И никто из них не подошел, они ни на что не годились. А вот вы годитесь.

– Гожусь на что?

– Я думаю, вы мой лучший шанс. Бывший коп, служили в армии, никаких связей, лучше не придумаешь.

– Я не ищу работу, Кармен.

Она радостно кивнула:

– Конечно, я это уже поняла. Так даже лучше. Неужели

вы не видите, как отлично все складывается? Помощь ради помощи. Вы не будете наемником. К тому же у вас замечательное прошлое. Оно накладывает на вас обязательства.

Ричер удивленно посмотрел на нее и возразил:

– Ничего оно на меня не накладывает.

– Вы были военным, – продолжала она. – И полицейским. Идеальное сочетание. Вы должны помогать людям. Таков долг всех копов.

– По большей части мы занимаемся тем, что проламываем головы. И не слишком много помогаем.

– Но так должно быть. Вот для чего нужны копы. Это их главная обязанность. А армейский коп и того лучше. Вы сами сказали, что делаете то, что требуется.

– Если вам нужен полицейский, поговорите с шерифом округа. В Пекосе, или как там называется ваш город.

– Эхо, – сказала она. – Я живу в Эхо, к югу от Пекоса.

– Мне все равно, – не стал спорить Ричер. – Отправляйтесь к шерифу.

– Нет, я не могу, – тряхнув головой, ответила она.

Ричер больше ничего не стал ей говорить. Просто лежал, опираясь спиной о дверцу. Двигатель терпеливо урчал, кондиционер наполнял машину прохладным воздухом. Кармен по-прежнему возвышалась над ним. Она молчала, смотрела мимо него и моргала, словно собиралась заплакать. Словно готовилась пролить целый водопад слез. Словно она самым трагическим образом разочаровалась то ли в нем, то ли в се-

бе.

– Вы, наверное, думаете, что я сумасшедшая, – сказала она.

Ричер повернулся и окинул ее с головы до ног суровым взглядом. Сильные стройные ноги, сильные красивые руки, дорогое платье. Оно немного задралось, а еще он видел бретельку лифчика на плече. Ослепительно белую на фоне смуглой кожи. У нее были тщательно причесанные волосы и ухоженные ногти. Изящное, умное лицо с усталыми глазами.

– Я не сумасшедшая, – заявила она и посмотрела прямо на него.

Выражение ее лица изменилось, Ричеру показалось, что он увидел мольбу или безнадежность и отчаяние.

– Просто дело в том, что я представляла себе это мгновение целый месяц, – проговорила она. – Моя последняя надежда. Наверное, план дурацкий, но другого у меня нет. Кроме того, существовал крошечный шанс, что он сработает, а с вашей помощью все могло бы получиться, но я все испортила, потому что веду себя как сумасшедшая.

Ричер выдержал длинную паузу. Он представил себе блинную, которую видел в Лаббоке прямо напротив мотеля. Она показалась ему симпатичной. Он мог перейти на другую сторону улицы и заказать целую кучу блинов с сиропом, а еще бекон и, может быть, яйцо. Он вышел бы оттуда через полчаса после того, как она проехала бы через город. Он мог бы сидеть сейчас рядом с улыбающимся водителем грузови-

ка и слушать рок-н-ролл по радио. С другой стороны, он мог бы лежать весь в крови и синяках на полу камеры в полицейском участке и дожидаться приговора.

– Начинайте, – предложил он. – Расскажите то, что должны. Но сначала я хочу, чтобы вы выехали из этой проклятой ямы. И мне бы не помешала чашка кофе. Впереди есть какое-нибудь заведение, где можно выпить кофе?

– Наверное, – ответила Кармен. – Да, есть. Примерно в часе отсюда.

– В таком случае поехали туда и выпьем кофе.

– Вы собираетесь бросить меня и сбежать, – заявила она.

Такая возможность показалась ему привлекательной. Кармен смотрела на него в течение примерно пяти долгих секунд, затем кивнула, словно приняла решение. Включила зажигание и нажала на газ. У машины был привод на передние колеса, и весь вес был сосредоточен сзади, поэтому колеса начали бессмысленно проворачиваться. По дну застучали мелкие камешки, и в воздух поднялись тучи серой пыли. Но уже в следующее мгновение машина выбралась из ямы и выехала на шоссе. Кармен нажала на педаль газа, и они помчались на юг.

– Я не знаю, с чего начать, – сказала она.

– С начала, – посоветовал Ричер. – Так будет лучше всего. Сейчас подумайте, а за кофе все расскажете. У нас есть время.

Кармен покачала головой, глядя вперед сквозь ветровое

стекло. Она не сводила глаз с мерцающей дороги. Машина мчалась на скорости семьдесят миль в час, и Кармен молчала почти целую милю.

– Нет у нас времени, – проговорила она. – Это очень срочно.

В пятидесяти милях к юго-западу от Абилина на обочине тихой деревенской дороги застыл в ожидании «форд-краун». Мотор оставался невыключенным, и капот был приоткрыт, чтобы немного его охладить. Вокруг расстилалась равнина, такая плоская, что в любом направлении было видно, как земная поверхность, покрытая высохшим пыльным кустарником, изгибается и плавно уходит за горизонт. Других машин не было, а значит, и никаких других звуков, кроме шепота работающего двигателя и тяжелого шипения земли, трескающейся под лучами обжигающего солнца.

Водитель выдвинул зеркало на дверце на максимум, чтобы видеть дорогу сзади. Пыль, поднятая «фордом-краун», осела, и на целую милю, до самого черного горизонта, сливающегося с небом и серебристым мерцающим миражом, открывался отличный вид. Водитель не сводил глаз с далекого сияния, дожидаясь, когда его разорвет приближающаяся машина.

Он знал, какой она будет. Их команду тщательно проинструктировали. Белый «мерседес-бенц», за рулем мужчина, он едет на встречу, которую не может пропустить. Он будет

ехать очень быстро, поскольку боится опоздать – он всегда опаздывает. Они знали время назначенной встречи и место, куда он направляется, – в тридцати милях дальше по дороге, поэтому простой арифметический подсчет выдал им контрольное время, чтобы сверить часы. Это время быстро приближалось.

– За дело, – сказал водитель.

Он вышел из машины на жару, закрыл капот, вернулся на свое место и взял у женщины кепку, одну из трех, купленных у продавца сувениров на Голливудском бульваре за тридцать долларов девяносто пять центов каждая. Кепка была темно-синей, с вышитой белыми нитками надписью «ФБР». Водитель надел ее и надвинул на глаза козырек. Сдвинул рычаг передачи и надавил ногой на педаль газа. Затем слегка наклонился вперед, вглядываясь в зеркало.

– Точно вовремя, – сказал он.

Серебристый мираж бурлил и переливался, из него появилась белая тень и понеслась к ним, точно рыба, выскочившая из воды. Тень обрела очертания и, будто прижимаясь к дороге, помчалась в их сторону. Белый «мерседес»-седан, широкие покрышки, темные окна.

Водитель убрал ногу с тормоза, и «форд-краун» медленно пополз вперед, поднимая пыль. «Мерседес» с ревом промчался мимо, и «форд» пристроился за ним в горячем воздухе выхлопа. Водитель выровнял руль и прибавил скорость. Улыбнулся, поджав губы. Команда убийц приступила к ра-

боте.

Водитель «мерседеса» заметил в зеркале заднего вида включенные фары и, взглядевшись повнимательнее, определил, что за ним едет седан, а еще он увидел на переднем сиденье двух человек в кепках с козырьками. Его взгляд невольно упал на спидометр, который показывал больше девяноста миль. Водитель похолодел и выругался, сбросил скорость и принялся прикидывать, на сколько он уже опоздал, как далеко еще ехать и как следует себя вести с этими парнями. Продемонстрировать скромность? Или, может, заявить: «Я слишком важная персона, чтобы позволить вам хамить мне»? А как насчет дружелюбного: «Да ладно, ребята, я тоже на работе»?

Седан догнал его, когда он сбросил скорость, и он увидел троих человек, двух мужчин и женщину. Повсюду были натканы антенны. Значит, не простые копы. Водитель знаком показал, чтобы он остановился на обочине. Женщина прижала к стеклу своего окна бумажник с удостоверением личности. На нем крупными буквами было написано: «ФБР». На кепках тоже. Серьезные ребята в форме. Серьезная машина. Он немного расслабился. ФБР не останавливает за превышение скорости. Наверное, тут что-то другое. Какая-нибудь проверка, что вполне разумно, учитывая, какое заведение находится в тридцати милях отсюда. Он кивнул женщине, затормозил и съехал на обочину. Отпустил педаль, и

машина замерла на месте, окутанная тучами пыли. Машина ФБР подъехала к нему и встала за ним. Свет ее фар приглушила густая пыль.

По собственному опыту они знали, что необходимо, чтобы жертва не шумела и оставалась живой как можно дольше. Чтобы не было никакой борьбы, которая приводит к тому, что на месте остаются улики: кровь, кусочки ткани и жидкости, вытекающие из тела. Поэтому все трое вышли из машины не спеша, изображая из себя профессионалов, занятых важным, но не слишком срочным делом.

– Мистер Юджин? – крикнула женщина. – Ал Юджин?

Водитель «мерседеса» открыл дверцу и вышел на жару и слепящее солнце. Мужчина лет тридцати, невысокий, смуглый, с землистым лицом, мягкий и полный. Он посмотрел на женщину, и она сразу поняла, что воспитанное в нем с детства уважение к женщинам поставило его в невыгодное положение.

– Чем могу быть вам полезен, мэм? – спросил он.

– Ваш мобильный телефон работает, сэр? – спросила она.

Юджин похлопал по карману пиджака.

– Должен работать, – ответил он.

– А могу я на него взглянуть, сэр?

Юджин достал телефон из кармана и протянул ей. Женщина набрала номер, и у нее сделался удивленный вид.

– Похоже, все в порядке, – сказала она. – Вы не могли бы

уделить нам пять минут, сэр?

– Возможно, – ответил Юджин. – Если вы скажете зачем.

– В миле дальше по дороге находится заместитель директора ФБР, ему необходимо с вами поговорить. Что-то срочное, как мне кажется, иначе нас бы здесь не было, и что-то очень важное, иначе нам бы сказали, в чем дело.

Юджин сдвинул манжет рубашки и взглянул на часы.

– У меня назначена встреча, – сказал он.

– Мы знаем, сэр, – кивнула женщина. – И мы взяли на себя смелость позвонить и чуть-чуть ее сдвинуть. Нам нужно всего пять минут.

Юджин пожал плечами.

– Я могу взглянуть на ваши документы? – спросил он.

Женщина протянула ему бумажник из потрепанной черной кожи с мутноватым пластиковым окошком, в котором он увидел ламинированное удостоверение личности агента ФБР с фотографией и тисненой надписью, выполненной слегка старомодным шрифтом, каким могло бы пользоваться правительство. Как и большинство жителей США, Юджин никогда не видел удостоверений личности ФБР и решил, что ему наконец представилась такая возможность.

– Чуть дальше по дороге? – переспросил он. – Хорошо. Пожалуй, я поеду за вами.

– Мы вас отвезем, – сказала женщина. – Там имеется пропускной пункт, и они начинают страшно нервничать, когда видят гражданские машины. Мы вас доставим назад. Всего

пять минут.

Юджин снова пожал плечами:

– Хорошо.

И все дружно направились к «форду-краун». Водитель придержал для Юджина пассажирскую дверцу.

– Садитесь сюда, сэр, – сказал он. – Ваше имя значится в списке А, и если мы посадим вас на заднее сиденье, нашим задницам сильно не поздоровится, будьте уверены.

Они увидели, как Юджин тут же начал раздуваться от собственной значимости, кивнул и забрался на переднее сиденье. Либо он не заметил, что его мобильный телефон так и остался у них, либо ему было все равно. Водитель закрыл дверь и, обойдя машину, занял свое место. Женщина и высокий мужчина уселись сзади. Машина объехала «мерседес» слева и покатила по дороге со скоростью пятьдесят миль в час.

– Впереди, – сказала женщина.

Водитель кивнул:

– Я вижу. Мы успеем.

Примерно в трех или четырех милях дальше над дорогой показалось облако пыли. Оно поднималось вверх и медленно смещалось влево на легком ветру. Водитель «форда-краун» сбросил скорость, чтобы не пропустить поворот, который он отыскал полчаса назад. Увидев поворот, он свернул влево, пересек противоположную обочину, съехал с дороги и направился к зарослям кустарника, достаточно высоким,

чтобы скрыть в них машину. Мужчина и женщина на заднем сиденье достали пистолеты, наклонились вперед и прижали их к шее Юджина там, где благодаря строению человеческого черепа за ушами имеются очень удобные углубления.

– Не шевелитесь, – приказала женщина.

Юджин замер на месте. Через две минуты мимо них по дороге промчался большой темный грузовик или автобус, тучи пыли заволокли небо, и тихонько зашелестели листья кустов. Водитель вышел из машины и подошел к двери Юджина с пистолетом в руке. Открыл дверь, наклонился и приставил дуло пистолета к шее Юджина, спереди, где под ключицей имеется еще одно удобное углубление.

– Выходи, – сказал он. – И соблюдай осторожность.

– Что? – только и смог произнести Юджин.

– Мы скажем тебе что, – проговорила женщина. – А теперь выходи.

Под дулами трех пистолетов Юджин выбрался наружу.

– Отойди от машины, – приказала женщина. – И прогуляйся в сторону от дороги.

Это был самый сложный момент. Юджин начал быстро осматриваться, поворачивая голову, насколько осмеливался. Его глаза бегали туда-сюда. Все тело дергалось. Он отошел от машины. Один шаг, второй, третий... Глаза продолжали метаться. Женщина кивнула.

– Ал, – громко позвала она.

Ее партнеры тут же отскочили в разные стороны. Юджин

резко обернулся, чтобы взглянуть на женщину, которая произнесла его имя. Она выстрелила ему в правый глаз. Звук выстрела, точно гром, разорвал тишину. Затылок Юджина превратился в кровавое месиво, и он повалился на землю, запутавшись в собственных конечностях. Женщина обошла его и наклонилась, чтобы взглянуть на свою работу, затем шагнула назад и выпрямилась, расставив ноги и разведя руки в стороны, словно приготовилась к досмотру в аэропорту.

– Проверьте, – сказала она.

Мужчины подошли к ней и внимательно изучили каждый дюйм ее кожи и одежды, потом волосы и руки.

– Чисто, – сказал маленький смуглый мужчина.

– Чисто, – повторил вслед за ним его напарник.

Женщина едва заметно улыбнулась. Никаких следов. Никаких улик. На ней не осталось ни крови, ни мелких частиц костей или мозга.

– Хорошо, – сказала она.

Мужчины снова подошли к Юджину, взяли его за руки и ноги и протащили десять футов до кустов. Чуть раньше они нашли там небольшое углубление в известняке, трещину в камне примерно восемь футов в глубину и полтора фута в ширину – достаточно широкую, чтобы засунуть туда тело боком, но слишком узкую для размаха крыльев стервятников или канюков. Юджин был совсем не худощавым человеком. Они начали осторожно опускать тело, следя, чтобы оно не цеплялось за камень, а затем сбросили его вниз. Оно за-

стряло между каменными стенками трещины на глубине семи футов.

Пятна крови уже начали высыхать и чернеть на солнце. Убийцы присыпали их песчаной пылью и замели все следы веткой мескитового дерева. После этого они вернулись в свою машину, водитель подал немного назад, выбрался из кустарника и выехал на дорогу. Большая машина развернулась в ту сторону, откуда приехала, и не спеша, на скорости в пятьдесят пять миль, двинулась в обратный путь. Через несколько минут они миновали белый «мерседес» Юджина, стоящий там, где они его оставили. Он выглядел брошенным и уже начал покрываться пылью.

– У меня есть дочь, – сообщила Кармен Грир. – Я ведь вам уже говорила?

– Вы говорили, что вы мать, – сказал Ричер.

Она кивнула, глядя на руль:

– Да, у меня дочь. Ей шесть с половиной лет. – Она помолчала немного и добавила: – Они назвали ее Мэри Эллен.

– Они?

– Семья моего мужа.

– Они дали имя вашему ребенку?

– Так получилось. Я была не в том положении, чтобы им помешать.

– А как бы вы ее назвали? – через пару мгновений спросил Ричер.

– Может быть, Глория, – пожав плечами, ответила Кармен. – Мне казалось, что она потрясающая.

Она снова замолчала.

– Но ее зовут Мэри Эллен, – проговорил Ричер.

– Они называют ее Элли, для краткости, – сказала она. –

Иногда мисс Элли.

– И ей шесть с половиной лет?

– Мы женаты меньше семи лет. Это я вам тоже говорила.

Надеюсь, вы умеете считать. Или у вас проблемы?

– С математикой?

– С тем, что это значит.

Ричер покачал головой, глядя в ветровое стекло:

– Никаких. А почему должны быть какие-то проблемы?

– Вот и для меня нет никаких проблем. Но это объясняет, почему я была не в том положении, чтобы дать имя собственной дочери.

Ричер ничего ей не ответил.

– С самого начала у меня с его семьей ничего не получалось, – сказала Кармен.

Она произнесла это так, как люди говорят о трагедии, случившейся в прошлом, об автомобильной катастрофе, крушении самолета или смертельном диагнозе. Так, как человек вспоминает день, когда его жизнь изменилась навсегда. Она крепко сжимала руками руль, и машина мчалась вперед, словно сама по себе, – кокон, внутри которого царит прохлада и тишина, а мимо проносится прожаренная на солнце

местность.

– Кто они такие? – спросил Ричер.

– Гриры, – ответила она. – Старая семья из округа Эхо. Они живут там с тех самых пор, как был отвоеван Техас. Наверное, тогда-то и урвали себе кусок.

– А какие они?

– Какие и должны быть, – сказала она. – Старая техасская семья, белые. Большие деньги с незапамятных времен, часть из них уже исчезла, но многое осталось – нефть и разведение скота. Протестанты, крестятся по всем правилам. Впрочем, не могу сказать, что они часто ходят в церковь или их беспокоит, что им скажет Господь. Они охотятся на животных ради собственного удовольствия. Отец моего мужа умер некоторое время назад, мать жива, два сына, кузены по всему округу. Мой муж – старший сын. Его зовут Слуп Грир.

– Слуп?⁶ – переспросил Ричер.

Кармен улыбнулась впервые с тех пор, как они выехали на дорогу из ямы.

– Слуп, – повторила она.

– И что это за имя такое?

– Старое семейное имя, – пояснила она. – Мне кажется, так звали кого-то из предков. Наверное, он был в Аламо и сражался с моими предками.

– Звучит как «шлюп». А как зовут другого сына? Яхта? Буксир? Океанский лайнер? Нефтеналивной танкер?

⁶ Имя произносится как sloop – шлюп, сторожевой корабль (англ.).

– Роберт, – ответила Кармен. – Все называют его Бобби.

– Слуп, – повторил Ричер. – Я такого еще не слышал.

– Я тоже раньше не слышала, – сказала Кармен. – Вообще там все для меня было в новинку. Но мне нравилось его имя. Оно... выделяло его, что ли.

– Да, наверное.

– Мы познакомились в Калифорнии, – сказала Кармен. – Учились вместе в университете.

– Он оказался далеко от дома и все такое, – проговорил Ричер.

Она перестала улыбаться:

– Именно. Оглядываясь назад, я понимаю, что это единственная причина, по которой все произошло. Знаете, если бы я встретила его здесь, включая все, что шло в придачу к нему, ничего бы не было. Никогда, уж можете мне поверить. Если предположить, конечно, что я вообще сюда приехала бы, в чем я очень сомневаюсь.

Она снова замолчала и, прищурившись, начала вглядываться вперед, в ослепительное сияние солнца. Слева от черной ленты дороги возникло какое-то строение, чьи яркие алюминиевые очертания рассыпались на движущиеся фрагменты под воздействием горячего воздуха, поднимавшегося над шоссе.

– Вот и закусочная, – сообщила Кармен. – Уверена, что здесь есть кофе.

– Довольно необычная закусочная, – заметил Ричер.

– А здесь много необычного, – проговорила Кармен.

Закусочная в полном одиночестве пристроилась на обочине дороги, на небольшом возвышении посреди утрамбованной земляной площадки, которая служила парковкой. На высоком шесте имелась вывеска, и нигде даже намек на тень. Ричер заметил два грузовика-пикапа, стоящих довольно далеко друг от друга и припаркованных кое-как.

– Ну ладно, – сбрасывая скорость, с сомнением проговорила Кармен. – Теперь вы от меня сбежите. Посчитаете, что один из водителей пикапов наверняка согласится вас подвезти.

Ричер промолчал.

– Если вы так решили, сделайте это позже, ладно? – попросила она. – Пожалуйста. Я не хочу остаться одна в таком месте.

Она еще немного сбросила скорость и покатила по неровной дороге в сторону парковки. Остановилась рядом с вывеской, словно под деревом, чьи ветви защитят машину от солнца. Тонкая тень шеста, точно палочка, легла на капот. Кармен заглушила двигатель, в неожиданно наступившей тишине громче зазвучал шепот кондиционера. Ричер открыл свою дверь, и в него ударила тугая волна жара, будто он вдруг оказался в сталелитейном цеху. Воздух был таким горячим, что ему не удавалось сделать вдох. Несколько мгновений он стоял не шевелясь, дожидаясь Кармен, а затем они вместе прошли по пропеченной солнцем земле, жесткой и сухой, точно

цемент. Чуть дальше он разглядел заросли мескитовых деревьев на фоне ослепительно-голубого неба, бесконечного и бездонного, раскинувшегося во все стороны, насколько хватал глаз.

Ричер шел на полшага позади Кармен, наблюдая за ней. Она опустила голову и прикрыла глаза, как будто не хотела ничего видеть вокруг себя и не хотела, чтобы ее видели другие. Подол ее платья доходил до коленей, красиво оттеняя их. Двигалась она с изяществом танцовщицы, прямо держала спину и легко переставляла ноги.

В закускойной имелся крошечный вестибюль с автоматом по продаже сигарет и стендом, на котором были вывешены рекламные листки, сообщавшие о продаже недвижимости и выставках оружия, а также новости, касающиеся нефти и проведения родео в окрестных городках. За второй дверью было снова прохладно. Некоторое время Ричер и Кармен стояли, наслаждаясь возможностью забыть о жаре. Сразу за дверью начиналась стойка, усталая официантка сидела боком на табурете. В кухне болтался повар. В отдельных кабинках двое мужчин что-то ели. Все четверо подняли головы и замерли, словно хотели что-то сказать, но решили промолчать.

Ричер посмотрел на всех по очереди, отвернулся и провел Кармен в самую дальнюю кабинку в конце зала. Он уселся за липкий стол с виниловым покрытием и с удовольствием подставил голову струе холодного воздуха из вентилятора в

потолке. Кармен устроилась напротив и подняла голову, и Ричер впервые посмотрел ей прямо в лицо.

– Моя дочь совсем на меня не похожа, – сказала она. – Иногда я думаю, что это самая жестокая ирония в том, что со мной происходит. Могучие старые гены Гриров победили мои, это точно.

У нее были невероятно красивые темные глаза, слегка раскосые, с длинными ресницами, и прямой нос, который вместе с бровями образовывал идеальную букву Y. Густые черные волосы, отливавшие синим в тусклом свете закускойной, обрамляли высокие скулы. Маленький ротик с едва заметным следом красной помады, гладкая великолепная кожа цвета слабого чая или темного меда, словно подсвеченная изнутри. На самом деле ее кожа была значительно светлее, чем загорелые руки Ричера, хотя он был белым, а Кармен – нет.

– Итак, на кого похожа Элли? – спросил он.

– На них, – ответила Кармен.

Официантка принесла холодную воду, блокнот и карандаш, задранный нос и высокомерное молчание. Кармен заказала кофе со льдом, а Ричер – горячий и как можно крепче.

– Она несколько на меня не похожа, – сказала Кармен. – Пухленькая, с розовой кожей и светлыми волосами. Но зато у нее мои глаза.

– Счастливая, – заметил Ричер.

На ее губах промелькнула улыбка.

– Спасибо. И я хочу, чтобы она оставалась счастливой.

Кармен прижала стакан воды к щеке, а потом салфеткой вытерла влагу с лица. Официантка принесла их заказ – кофе со льдом в высоком бокале и кофе Ричера в пластмассовом кувшине. Когда она ставила бокал перед Кармен, часть его содержимого выплеснулась на стол. Она подтолкнула к Ричеру пустую фарфоровую кружку, положила посреди стола чек лицевой стороной вниз и, не произнеся ни единого слова, ушла.

– Вы должны понимать, что когда-то я любила Слупа, – сказала Кармен.

Ричер промолчал, и она посмотрела ему в глаза.

– Вы не любите, когда вам говорят подобные вещи? – спросила она.

Ричер покачал головой, хотя действительно чувствовал себя немного неловко. Одинокие бродяги далеко не всегда готовы с радостью выслушивать признания совершенно незнакомых им людей.

– Вы сказали, чтобы я начала с самого начала, – произнесла она.

– Да, сказал, – не стал спорить Ричер.

– Хорошо, пусть будет с самого начала. Когда-то я его любила. Я хочу, чтобы вы это понимали. А еще что это было совсем не трудно – полюбить его. Высокий, крупный, красивый, он много улыбался, держался легко и непринужденно, я никогда не видела его напряженным. Мы учились и были мо-

лоды. Лос-Анджелес такое особенное место, где все кажется возможным и ничто не имеет особого значения.

Она взяла соломинку из коробки, стоящей на столе, и вынула ее из упаковки.

– А еще вам необходимо знать, откуда я родом, – продолжала она. – По правде говоря, мой случай нельзя назвать стандартным. Я не была простой мексиканской девушкой, которую волновало, как к ней отнесется белая семья. Меня беспокоило, примет ли моя семья парня-гринго. Ужасно беспокоило. Нам принадлежит тысяча акров земли в Напа-Вэлли⁷. Мне кажется, мы там жили всегда и всегда были самыми богатыми из всех, кого я знала. И самыми образованными. Искусство, история, музыка. Мы делали пожертвования музеям. На нас работали белые люди. Поэтому я страшно переживала, что скажут мои родные, когда я объявлю им, что хочу выйти замуж за белого парня.

Ричер сделал глоток кофе. Он был несвежим и подогретым, но Ричер решил, что сойдет и так.

– И что они сказали? – спросил он.

– Пришли в ярость. Я считала, что они ведут себя глупо. Теперь понимаю, что они были правы.

– Так что же произошло?

Кармен некоторое время потягивала кофе через соломинку, потом взяла салфетку и промокнула губы. На салфетке

⁷ *Напа-Вэлли* – плодородная долина на западе Калифорнии, крупнейший район виноделия в США.

остался красный след помады.

– Ну, я забеременела, – сказала она. – И разумеется, все стало в миллион раз хуже. Мои родители очень набожные люди, которые страстно придерживаются традиций, и они просто вычеркнули меня из своей жизни. Лишили наследства и отказались от меня. Как в сказке из викторианских времен – выгнали из дома на заснеженную улицу с жалким узелком в руках. Только, разумеется, не было никакого снега, а вместо узелка – дорогой чемодан.

– И что вы сделали?

– Мы поженились. Никто не пришел на нашу свадьбу, только пара друзей, с которыми мы учились. Несколько месяцев мы прожили в Лос-Анджелесе, закончили учебу, потом поселились там, пока до появления ребенка не остался месяц. На самом деле тогда было здорово. Мы были молоды и любили друг друга.

Ричер налил себе вторую чашку кофе.

– Но? – спросил он.

– Но Слуп не мог найти работу. А вскоре я поняла, что он не особенно старался. Работа не входила в его планы. Колледж был для него четыремья годами развлечений, а затем он собирался сменить отца в семейном бизнесе. Его отец к тому моменту уже готовился уйти на покой. Мне это совсем не нравилось, потому что я хотела, чтобы мы начали самостоятельно выстраивать нашу жизнь. Ну, вы понимаете, новое поколение с обеих сторон. Я считала, что раз я отказалась от

всего, что имела, то он тоже должен. Мы начали ссориться, я не могла работать из-за беременности, поэтому у меня не было своих денег. В конце концов мы не смогли заплатить за жилье, он одержал верх в нашем споре, и мы вернулись сюда, в Техас, и поселились в большом старом доме с его родителями, братом и кучей кузенов. И я все еще здесь.

Отчаяние и тоска снова зазвучали в ее голосе при воспоминании о дне, когда ее жизнь изменилась навсегда.

– И?.. – подтолкнул ее Ричер.

Она взглянула ему в глаза:

– Мне казалось, будто земля разверзлась у меня под ногами и я стремительно падаю прямо в ад. Я испытала такое потрясение, что сначала даже не могла ни на что реагировать. Они очень странно со мной держались, и только на второй день я поняла, что происходит. Понимаете, всю мою жизнь со мной обращались как с принцессой, потом я была одной из тысяч студентов в Лос-Анджелесе – и вдруг превратилась в кусок дерьма с помойки. Они никогда не говорили это прямо, но я все видела и понимала. Они меня ненавидели, для них я была грязной шлюхой, подцепившей их дорогого мальчика. Они вели себя до противного вежливо, наверное, рассчитывали, что Слуп одумается и вышвырнет меня вон. В Техасе такое нередко случается. Чудные мальчики из старых семей, когда они глупы и молоды, любят темнокожих женщин. Иногда это что-то вроде обряда посвящения. Потом они умнеют и все встает на свои места. Я уверена, что они так

думали. И очень на это надеялись. Поверьте мне, я испытала настоящий шок. Я никогда так о себе не думала. Никогда. Не было необходимости. И никогда ни с чем подобным не сталкивалась. В одно мгновение весь мой мир перевернулся с ног на голову. Как будто я свалилась в ледяную воду. Я не могла дышать, не могла думать, даже двигаться не могла.

– Но, судя по всему, он вас не вышвырнул.

– Нет, – не поднимая глаз, ответила Кармен. – Он начал меня бить. В первый раз он ударил меня по лицу. На следующий день родилась Элли.

«Форд-краун» свернул к офису проката машин «Херц», пристроившемуся за небольшой рощицей в восьми милях от шоссе, на полпути между Абилином и Биг-Спринг. Техасские номера были заменены на виргинские. Пластиковые покрышки вернулись на место, антенны были сняты и убраны в чемодан. Сувенирные кепки сложены и спрятаны вместе с оружием. Мобильный телефон Юджина разбит о большой камень, а осколки заброшены в густые кусты. На переднее пассажирское сиденье насыпали несколько горстей пыли с обочины дороги, чтобы служащие агентства пропылесосили его, уничтожив вместе с пылью все следы пребывания Юджина в машине, поскольку на сиденье могли остаться волоски или нитки с его одежды.

Затем большой седан вернулся на шоссе и спокойно покатил на запад, непримечательная машина с тремя неприме-

чательными людьми внутри. Они сделали еще одну остановку около кафе, названного в честь реки Колорадо, где выпили содовой и позвонили из непримечательного телефона-автомата в Лас-Вегас, откуда их звонок отправился в Даллас, а затем в офис в маленьком городке на западе Техаса. Они доложили, что все прошло успешно, и их сообщение было принято с радостью.

– Он разбил мне губу, а еще у меня расшаталось несколько зубов, – сказала Кармен Грир.

Ричер наблюдал за ее лицом.

– Это было в первый раз, – продолжала она. – Он просто вышел из себя, но тут же раскаялся в том, что сделал, и сам повез меня в больницу. Ехать туда очень далеко, несколько часов, и всю дорогу он умолял простить его. Потом он принялся уговаривать меня не рассказывать о том, что произошло на самом деле. Мне показалось, что ему действительно стыдно, и я согласилась. Но мне все равно не пришлось ничего говорить, потому что, как только мы приехали, у меня начались схватки и меня отправили прямо в родильную палату. Элли родилась на следующий день.

– И что было потом?

– Все было хорошо, – ответила она. – По крайней мере неделю. А потом он снова начал меня бить. Я все делала не так. Слишком много внимания уделяла ребенку, не хотела заниматься с ним сексом, потому что у меня болели швы.

Он говорил, что из-за беременности я стала толстой и уродливой.

Ричер молчал.

– Ему удалось заставить меня в это поверить, – проговорила она. – И я очень долго верила. Знаете, так бывает. Нужно быть очень уверенной в себе, чтобы сопротивляться таким словам. А у меня подобной уверенности не было. Он отнял ее у меня. В течение двух или трех лет я считала, что сама во всем виновата, и пыталась исправить положение.

– А что делали его родные?

Кармен отодвинула от себя бокал с недопитым кофе.

– Они ничего не знали, – сказала она. – Потом его отец умер, и стало еще хуже. Он был самым разумным из них всех. И хорошим человеком. А теперь остались только его брат и мать. Он ужасный, а она настоящая ведьма. И они по-прежнему ничего не знают. Все происходит потихоньку. Дом большой, в действительности это громадное поместье. И мы все не сидим друг у друга на голове. Все невероятно запутано. Мой муж слишком упрям и горд, чтобы согласиться с ними, что он совершил ошибку. Поэтому чем больше они на меня наускаивают, тем старательнее он делает вид, что любит меня. Он их обманывает. Покупает мне подарки. Вот и это кольцо купил он.

Она подняла правую руку, изящно повернув запястье, чтобы показать Ричеру платиновое кольцо с большим бриллиантом. Выглядело оно великолепно. Ричер никогда не по-

купал колец с бриллиантами и не имел ни малейшего понятия о том, сколько оно может стоить. Он решил, что много.

– Он покупал мне лошадей, – продолжала Кармен. – Они знали, что я хотела бы иметь своих лошадей, и он покупал их мне, чтобы выглядеть хорошо в глазах своих родных. А на самом деле – чтобы объяснить, откуда берутся мои синяки. Он заставляет меня говорить, что я упала. Им известно, что я еще учусь ездить верхом. А в округе, где родео самое популярное развлечение, это объясняет все – и синяки, и сломанные кости. Считается, что так и должно быть.

– Он ломал вам кости?

Она кивнула и начала прикасаться к разным частям своего тела и поворачиваться в узкой кабинке, без слов рассказывая ему о своей боли, замирая на мгновение словно для того, чтобы получше вспомнить, как это было.

– Прежде всего, ребра, – сказала она. – Когда я оказываюсь на полу, он бьет меня ногами. Когда он в ярости, он делает это всегда. Левую руку он вывернул. Ключицу. Челюсть. Мне вставили три зуба.

Ричер удивленно посмотрел на нее.

– В больнице думают, что я самая худшая наездница в истории Запада.

– И они в это верят?

– Возможно, им так проще.

– А его мать и брат?

– То же самое, – ответила она. – Знаете, что такое пре-

зумпция невинности?

– Почему, черт подери, вы остались? Почему не убрались оттуда после первого раза?

Кармен вздохнула, закрыла глаза и отвернулась. Положила руки на стол ладонями вниз, а потом повернула их, раскрыв ладони.

– Не знаю, – прошептала она. – Никто никогда не может этого объяснить. Нужно понимать, как это бывает. У меня не осталось уверенности в себе. Зато был новорожденный ребенок и ни гроша за душой. У меня не было друзей. За мной постоянно следили. Я даже позвонить не могла так, чтобы меня не подслушивали.

Ричер промолчал, а Кармен открыла глаза и посмотрела на него.

– И хуже всего то, что мне некуда идти, – проговорила она.

– А в родной дом? – спросил он.

Она покачала головой.

– Мне такое даже в голову не приходило, – сказала она. – Смириться с тем, что он меня бил, было легче, чем приползти к моим родным с белым светловолосым ребенком на руках.

Ричер не знал, что сказать.

– Если ты упустил свой первый шанс, ты попался, – добавила она. – Таков закон. Становится только хуже. И всякий раз, когда я думала о том, что со мной произошло, результат оказывался все тем же: у меня по-прежнему не было денег, а

на руках маленький ребенок. Сначала Элли был год, потом два, три. Подходящий момент никак не наступал. Если ты не бежишь после первого раза, ты в ловушке. А я не убежала. Я жалею, что не сделала этого, но так уж получилось.

Ричер продолжал молчать, и она с мольбой взглянула на него.

– Вы должны поверить мне на слово, – сказала она. – Вы не знаете, что это такое. Вы мужчина, большой и сильный, и если вас кто-то ударит, вы дадите ему сдачи. Вы живете один, и если вам где-то не нравится, вы перебираетесь в другое место. Со мной все не так. Даже если вы не можете этого понять, вам придется мне поверить.

Ричер ничего не сказал.

– Я могла бы уехать без Элли, – продолжила Кармен. – Слуп говорил мне, что, если я оставлю с ним ребенка, он заплатит за мой проезд в любое место, которое я назову. Первым классом. Тут же вызовет из Далласа лимузин, чтобы тот отвез меня прямо в аэропорт.

Ричер молчал.

– Но я не смогла бы так поступить, – тихо проговорила она. – Это невозможно. Поэтому Слуп представляет дело так, будто это мой выбор. Будто я соглашаюсь на его условия. Будто меня все устраивает. И он продолжает меня бить. Кулаками, ногами, по лицу. Унижает меня в постели. Каждый день, даже если он на меня не злится. А если злится, то становится и вовсе безумным.

Наступила тишина, которую нарушали лишь шорох вентилятора на потолке, слабый шум из кухни и тихое дыхание Кармен. Звякнул тающий лед в ее отставленном бокале. Ричер посмотрел на нее, перевел взгляд на руки, плечи, шею, лицо. Вырез платья чуть сдвинулся в сторону, и он увидел шишку на ключице. Заживший перелом. Но она сидела совершенно прямо, вскинув голову и глядя на него с вызовом. Ее поза многое ему рассказала.

– Он бьет вас каждый день? – спросил он.

Она закрыла глаза:

– Ну, почти каждый. Не в прямом смысле, но три или четыре раза в неделю. Иногда чаще. У меня такое ощущение, будто каждый день.

Ричер довольно долго молчал, не сводя с нее глаз.

Затем покачал головой:

– Вы это придумали.

Наблюдатели упрямо оставались на своем посту, хотя смотреть было особенно не на что. В красном доме, прожаренном горячим солнцем, царила тишина. Через некоторое время появилась кухарка, села в машину и уехала, подняв клубы пыли, скорее всего, в магазин. Около конюшни пара работников занимались лошадьми, они их выводили, чистили и заводили внутрь. За конюшней стоял небольшой домик, такой же красный, построенный по тому же проекту. По большей части он выглядел пустым, потому что конюшни

тоже по большей части пустовали. В них содержались всего пять лошадей, в том числе пони для ребенка. Лошади в основном оставались в стойлах из-за ужасной жары.

Вернулась кухарка и отнесла пакеты с покупками на кухню. Мальчик сделал соответствующую запись в блокноте. Пыль, поднятая ее машиной, медленно опустилась на дорогу, и мужчины проследили за ней в подзорные трубы. Они повернули свои кепки, чтобы козырьки защитили от солнца шею.

– Вы мне врите, – сказал Ричер.

Кармен отвернулась к окну, и на ее щеках появились красные пятна размером с четвертак. Ричер решил, что она рассердилась. Или смутилась. Кто знает?

– С чего вы взяли? – тихо спросила она.

– Физические доказательства, – ответил он. – У вас нигде не видно синяков. Чистая кожа. Мало косметики, слишком мало, чтобы что-нибудь прятать. Она ни капли не скрывает того факта, что вы отчаянно покраснели. Вы выглядите так, словно только что вышли из салона красоты. Кроме того, вы легко двигаетесь. Вы промчались по парковке, точно балерина. Выходит, у вас ничего не болит. Нигде. Если он бьет вас каждый день, значит он делает это перышком.

Несколько мгновений Кармен молчала, затем кивнула:

– Я вам не все сказала.

Ричер перевел взгляд в сторону.

– Не сказала самого главного, – добавила она.

– А зачем мне вас слушать?

Она взяла из коробки еще одну соломинку и развернула ее. Расправила бумажную обертку и превратила ее в тугую спираль, накрутив между большим пальцем и указательным.

– Извините, – сказала она. – Но я хотела привлечь ваше внимание.

Ричер повернул голову и посмотрел в окно. Солнце передвинуло тонкую тень от столба на капоте «кадиллака», точно стрелку на часах. Внимание? Он вспомнил, как сегодня утром открыл дверь в свой номер в мотеле. Впереди у него был новый день, который он мог наполнить новыми впечатлениями. Он вспомнил отражение копа в зеркале и чавкающий шепот шин «кадиллака» по горячему асфальту, когда машина остановилась рядом с ним.

– Хорошо, я весь внимание, – сказал он, глядя на ее машину.

– Это тянулось пять лет, – сказала она. – Поверьте мне, было ровно так, как я вам рассказала. Почти каждый день. А полтора года назад все прекратилось. Но я должна была рассказать все с самого начала, чтобы вы меня выслушали.

Ричер ждал продолжения.

– Рассказывать о таких вещах совершенно чужому человеку совсем не просто, – проговорила она.

Он повернулся и посмотрел ей в глаза:

– Слушать тоже не просто.

Она сделала глубокий вдох и спросила:

– Вы собираетесь от меня сбежать?

– Чуть не сбежал минуту назад, – пожав плечами, ответил

Ричер.

– Прошу вас, не делайте этого, – взмолилась она. – По крайней мере, не здесь. Пожалуйста. Просто послушайте меня еще немного.

– Хорошо, я вас слушаю, – сказал он.

– Но вы мне поможете?

– В чем?

Она не ответила, и Ричер спросил:

– А каково это, когда тебя бьют?

– Каково? – переспросила она.

– Физически, – пояснил он.

Кармен отвернулась, обдумывая его вопрос.

– Все зависит от того, куда бьют, – сказала она наконец.

Ричер кивнул. Он знал, что в разных местах ощущения разные.

– Живот? – спросил он.

– Меня сильно рвало, – ответила она. – И я беспокоилась, потому что видела кровь.

Ричер снова кивнул. Да, она знает, что бывает, когда тебя бьют в живот.

– Клянусь вам, это правда. Целых пять лет. Зачем мне придумывать?

– Итак, что же произошло? – поинтересовался Ричер. –

Почему он перестал вас бить?

Она замолчала, словно почувствовала, что на нее все смотрят. Ричер поднял голову и увидел, как повар, официантка и два типа за дальними столиками тут же отвернулись. Повар и официантка быстрее парней. На их лицах Ричер заметил враждебное выражение.

– Мы можем уехать отсюда? – спросила Кармен. – Нам нужно возвращаться. А дорога дальняя.

– Я еду с вами?

– В этом и состоит моя идея.

Ричер снова посмотрел в окно.

– Пожалуйста, Ричер, – прошептала она. – По крайней мере, выслушайте меня до конца, а потом уж решайте. Я могу высадить вас в Пекосе, если вы не захотите ехать со мной в Эхо. Сходите там в музей. Посмотрите на могилу Клея Эллисона.

Он наблюдал за тем, как тень коснулась ветрового стекла «кадиллака». Внутри сейчас, наверное, жарко, как в раскаленной печи.

– В любом случае вам стоит там побывать. Если вы исследуете Техас.

– Ладно, – сказал Ричер.

– Спасибо.

Он не ответил.

– Подождите меня, – попросила Кармен. – Мне нужно сходить в туалет. Я уже давно за рулем и много проехала.

Она выскользнула из кабинки с изяществом человека, у которого ничего не болит, и прошла через зал, опустив голову и не глядя по сторонам. Два типа проследили за ней взглядами, пока она не скрылась из виду, и перевели ничего не выражающие глаза на Ричера. Он проигнорировал их, перевернул чек и положил на него мелочь из кармана, ровно столько, сколько там было написано, решив не оставлять чаевых. Затем встал и подошел к двери. Парни пристально за ним наблюдали. Он остановился и стал смотреть сквозь стекло вдаль, за парковку. Несколько минут он наблюдал, как жаривается земля под лучами солнца, пока не услышал у себя за спиной шаги Кармен. Она причесалась и подкрасила губы.

– Пожалуй, я тоже схожу в туалет, – сказал он.

Она посмотрела направо, между двумя типами за столиками.

– Подождите, пока я сяду в машину, – сказала она. – Я не хочу оставаться здесь одна. Мне вообще не следовало сюда заходить.

Она вышла, и Ричер подождал, пока она не подошла к «кадиллаку». Она забралась внутрь, и он увидел, как машина вздрогнула, когда Кармен включила двигатель, чтобы заработал кондиционер. После этого Ричер повернулся и отправился в мужской туалет, который оказался довольно большим, с двумя фарфоровыми писсуарами и одной кабинкой. А еще там имелись раковина с отбитым краем и кран с хо-

лодной водой. Толстый рулон бумажных полотенец стоял на машине, в которую его следовало заправить. Не самое чистое место из тех, что Ричеру доводилось видеть. Ричер воспользовался левым писсуаром и тут услышал шаги за дверью. Он взглянул на хромированный кран для спуска воды. Кран оказался грязным, но зато был круглым и отражал то, что находилось за спиной у Ричера, словно маленькое зеркальце безопасности.

Открылась дверь, и в туалет вошел мужчина. Один из посетителей. Скорее всего, один из водителей грузовиков. Хромированная поверхность искажала картину, но Ричер обратил внимание на то, что он почти достает головой до верхней притолоки двери. Крупный мужчина. Он что-то нащупывал у себя за спиной, а в следующее мгновение Ричер услышал щелчок замка двери. Затем парень сдвинулся в сторону и опустил руки. Он был в черной футболке с какой-то надписью, но Ричер не смог прочитать ее в отражении. Что-то вроде логотипа нефтяной компании.

– Ты не наших мест? – спросил парень.

Ричер ничего не ответил, он следил за отражением.

– Я задал тебе вопрос, – сказал парень.

Ричер его проигнорировал.

– Я с тобой разговариваю.

– Это большая ошибка, – заявил Ричер. – Откуда тебе знать, кто я такой? А вдруг я из полиции? Тогда долг вынудит меня повернуться и выслушать тебя, и струя как раз по-

падет на твои ботинки.

Парень, которого его слова явно застали врасплох, переступил с ноги на ногу. Очевидно, он заготовил речь заранее, на что Ричер и рассчитывал. Необходимость импровизировать должна была его озадачить – ровно настолько, чтобы Ричер успел застегнуть брюки и выглядеть пристойно. Парень топтался на месте, пытаясь решить, как реагировать на его выступление.

– Значит, мне придется тебе объяснить, – заявил он. – Кто-то должен.

На слова Ричера он не ответил, – видимо, у него не было таланта к словесной перепалке.

– Что объяснить? – спросил Ричер.

– Какие у нас законы.

Ричер на мгновение замер. Единственная проблема с кофе состоит в том, что он обладает мочегонными свойствами.

– И какие у вас законы?

– Здесь не принято приводить любителей фасоли в места, куда ходят приличные люди.

– Что? – спросил Ричер.

– Ты какую часть не понял?

Ричер выдохнул. Ему требовалось еще секунд десять.

– Ничего не понял, – проговорил он.

– В места вроде этого нельзя приводить любителей фасоли.

– А кто такие любители фасоли? – поинтересовался

Ричер.

Парень сделал шаг вперед, и его отражение увеличилось и стало непропорциональным.

– Латиносы, – пояснил он. – Они все время жрут фасоль.

– О женщине нужно говорить «латина», с буквой «а», – поправил его Ричер. – Род имеет огромное значение в некоторых языках. Кроме того, она пила холодный кофе. И за целый день, который я провел с ней, я ни разу не видел, чтобы она ела фасоль.

– Думаешь, ты умник, да?

Ричер наконец закончил свое дело и застегнул брюки. Воду спускать не стал. Здесь, похоже, никто этого не делал. Он повернулся к раковине и открыл кран.

– Можешь не сомневаться, поумнее тебя, – заметил он. – Впрочем, это нетрудно. Видишь рулон бумажных полотенец? Он тоже умнее тебя. Намного. А каждое отдельное полотенце по сравнению с тобой просто гениально. Они могут дружными рядами отправиться в Гарвард, и каждый получит стипендию, пока ты будешь продолжать потеть над тестами для начальной школы.

Было такое ощущение, будто он дразнит динозавра. Точнее, бронтозавра, у которого с мозгами совсем напряженно. Потребовалось некоторое время, чтобы прозвучавшие слова были восприняты и поняты. Прошло четыре или пять секунд, прежде чем на лице громилы появился проблеск мысли. Еще через четыре или пять секунд он старательно и мед-

ленно размахнулся венчавшим могучую руку огромным кулаком, который пронесся над головой Ричера. Если бы он попал в цель, это было бы неприятно. Но он не попал. Ричер левой рукой схватил парня за запястье и остановил его на полпути. Громкий влажный шлепок эхом отразился от отделанных кафелем стен туалета.

– Даже микробы на этом полу умнее тебя, – сообщил ему Ричер.

Затем он развернул бедра на девяносто градусов, чтобы защитить пах, и с силой сжал запястье грубияна. Было время, когда он мог таким образом ломать кости. Скорее благодаря слепой решимости, чем силе.

Но в тот момент у него такой решимости не было.

– Тебе сегодня повезло, – заявил Ричер. – Кто знает, а вдруг ты коп. Так что я тебя отпускаю.

Парень в отчаянии уставился на свое запястье, которое начало распухать и покраснело.

– После того, как ты извинишься, – добавил Ричер.

Парень еще четыре или пять секунд не сводил глаз со своей несчастной руки. Совсем как динозавр.

– Извини, – пробормотал он. – Прошу прощения.

– Не передо мной, задница, – сказал Ричер. – Перед дамой.

Парень молчал. Ричер сжал его запястье еще сильнее и почувствовал, как большой палец стал скользким от пота и съехал к безымянному. А еще он почувствовал, как шелкну-

ли и сдвинулись кости в запястье грубияна. Лучевая и локтевая оказались совсем рядом, ближе друг к другу, чем задумано природой.

– Ладно, – прохрипел парень. – Хватит.

Ричер выпустил его запястье, и верзила тут же прижал его к себе, тяжело дыша и переводя взгляд с Ричера на свою руку.

– Дай мне ключи от твоего грузовика, – приказал ему Ричер.

Парень неуклюже развернулся, чтобы забраться в правый карман левой рукой, и достал из него большую связку ключей.

– А теперь иди и подожди меня на парковке, – велел Ричер.

Громила отпер дверь левой рукой и вывалился наружу. Ричер бросил ключи в писсуар и вымыл руки. Старательно вытер их бумажным полотенцем и вышел из туалета. Он нашел парня на парковке, на полпути между дверью в закусокную и «кадиллаком».

– А теперь постарайся вести себя очень хорошо, – обратился он к парню. – Можешь предложить даме помыть машину или еще что-нибудь такое же полезное. Она откажется, но ведь важно намерение, верно? Если тебе хватит воображения, получишь назад свои ключи. В противном случае пойдешь домой пешком.

Сквозь затемненное стекло Ричер видел, что Кармен на-

блюдает за их приближением и явно не понимает, что происходит. Он махнул рукой, показывая, чтобы она открыла окно. Сделал круговое движение, словно опуская стекло. Она послушно открыла окно, но всего на два дюйма, так что были видны только глаза. Они были широко открыты, и в них застыло беспокойство.

– Этот человек хочет вам что-то сказать, – проговорил Ричер и отошел на шаг назад.

Парень выступил вперед, посмотрел себе под ноги, потом на Ричера глазами побитой собаки. Ричер кивнул, чтобы его подбодрить. Парень положил руку на грудь, словно оперный тенор или метрдотель, и слегка наклонился, обращаясь к двухдюймовой щели.

– Мэм, – проговорил он, – я хотел сказать, что мы все будем по-настоящему рады, если вы снова заедете к нам в ближайшее время. Может быть, вы хотите, чтобы я помыл вам машину, раз уж вы здесь?

– Что? – удивленно спросила Кармен.

Оба одновременно повернулись к Ричеру: Кармен – с изумлением, парень – с мольбой в глазах.

– Ладно, хватит. Я оставил твои ключи в туалете, – сказал он.

Четыре или пять секунд спустя парень повернулся и направился назад, в закулочную. Ричер обошел машину и открыл пассажирскую дверь.

– Я подумала, что вы решили от меня сбежать, – сказала

Кармен. – И попросили этого типа, чтобы он вас подвез.
– Пожалуй, я лучше поеду с вами, – ответил Ричер.

«Форд-краун» ехал на юг к одинокой деревушке, стоящей на пересечении дорог. Справа находилось старое кафе, слева – пустая площадка. Обтрепанный знак «Стоп» на дороге. Дальше обветшалая заправочная станция и школа с одной комнатой. Пыль и жара повсюду. Большая машина притормозила, проползла через перекресток и мимо школы, а затем неожиданно набрала скорость и умчалась прочь.

Маленькая Элли Грир проследила за ней взглядом. Она сидела на деревянном стуле у окна и открывала крышку большой голубой коробки с завтраком, когда услышала короткий визг шин и мимо промчалась машина. Элли повернула голову и посмотрела ей вслед. Она была серьезным ребенком и проводила много времени в размышлениях и наблюдениях. Она не сводила своих больших темных глаз с дороги, пока не осела пыль. Затем вернулась к прерванному занятию и принялась изучать содержимое коробки. Она пожалела, что мамы не было дома, чтобы собрать ей завтрак вместо кухарки, которая принадлежала Грирам и была жадной.

Глава 3

– Так что же произошло полтора года назад? – спросил Ричер.

Кармен ответила не сразу. Они ехали по прямой пустынной дороге, и солнце стояло у них над головами. Дорога была из щебенки и асфальта, достаточно ровная, но обочины оставляли желать лучшего. На случайных расстояниях друг от друга встречались рекламные щиты, сообщавшие о заправочных станциях, гостиницах и магазинах, находящихся далеко впереди. По обе стороны дороги местность была плоской, выжженной и бесцветной, лишь время от времени вдалеке виднелись замершие ветряные мельницы. Ближе к дороге на бетонных подушках стояли двигатели от машин. Большие «V-8», какие можно увидеть под капотом древнего «шевроле» или «крайслера», выкрашенные в желтую краску, покрытые ржавчиной, с торчащими вертикально толстыми выхлопными трубами.

– Водяные помпы, – пояснила Кармен. – Для орошения полей. В прежние времена здесь было сельское хозяйство. Тогда бензин стоил дешевле воды, поэтому эти штуки работали целый день и всю ночь. Теперь воды не осталось, а бензин стал слишком дорогим.

По обе стороны дороги тянулись земли, заросшие сухим кустарником. Далеко на горизонте, к юго-западу от дороги,

вроде бы высились горы, но, возможно, это была иллюзия, рожденная жарой.

– Вы проголодались? – спросила Кармен. – Если мы не будем останавливаться, то сможем забрать Элли из школы. Я не видела ее со вчерашнего дня и очень соскучилась.

– Как пожелаете, – ответил Ричер.

Она прибавила скорость, и огромный «кадиллак» помчался вперед по неровной дороге, делая восемьдесят миль в час. Ричер выпрямился на своем сиденье и потуже затянул ремень безопасности.

– Вы мне верите? – взглянув на него, спросила Кармен.

Ричер посмотрел на нее и подумал, что за тринадцать лет работы следователем научился ничему не верить.

– Что произошло полтора года назад? – спросил он.

Кармен поудобнее передвинула руки на руле, потом раскрыла ладони, растопырив пальцы, и снова сжала их, удерживая руль.

– Его посадили в тюрьму, – ответила она.

– За то, что он вас избивал?

– В Техасе? – проговорила она и коротко рассмеялась, но ее смех был похож на стон боли. – Теперь я точно знаю, что вы здесь впервые.

Ричер ничего ей не сказал, молча наблюдая за тем, как мимо его окна проносится Техас, прожаренный на солнце, наглый, желтый.

– Такого просто не может быть, – сказала она. – В Теха-

се все знают, что джентльмен никогда не поднимет руку на женщину. В особенности белый джентльмен из семьи, которая живет здесь уже сто лет. Поэтому, если его жена – грязная шлюха – посмеет сказать про него что-нибудь подобное, они, скорее всего, запрут ее, причем в психушке.

День, когда ее жизнь изменилась навсегда.

– Так что же он сделал?

– Уклонялся от уплаты федеральных налогов, – ответила она. – Он много заработал на операциях с нефтяными участками и продаже горнодобывающего оборудования в Мексике, но не стал сообщать об этом в налоговое управление. На самом деле он не сообщал им ни о каких своих доходах. И в конце концов его поймали.

– За это сажают в тюрьму?

Кармен поморщилась и ответила:

– Вообще-то, они изо всех сил стараются этого не делать. Он попался в первый раз, и они были готовы позволить ему выплатить долг, выступить со встречными предложениями и все такое. Их бы устроило чистосердечное признание и план погашения задолженности. Но Слуп слишком упрям, и потому он предоставил им самим все раскапывать и до суда не желал ни в чем признаваться. Отказался платить. Даже заявил, будто он им ничего не должен, что было довольно глупо. Но они не могли просто забрать деньги, потому что он спрятал их в семейных фондах. Думаю, это привело их в ярость.

– И ему предъявили обвинение?

Кармен кивнула, не поворачиваясь.

– Они решили ему отомстить, – сказала она. – Дело федеральной юрисдикции. Слышали такое выражение? Передать дело в федеральную юрисдикцию. Теперь я знаю, почему так говорят. Поднимается страшный шум. Настоящее состязание, местные мальчики из добрых старых семей против Министерства финансов. Адвокат Слупа – его лучший друг, они вместе учились в школе, а другой его лучший друг – окружной прокурор округа Пекос, и он объяснял им, какую стратегию они должны выбрать и все такое. Но налоговое управление разбило их наголову, устроив настоящее побоище. Ему грозило от трех до пяти лет. Однако судья назначил минимум – тридцать месяцев тюрьмы. А я получила передышку.

Ричер молчал. Они промчались мимо грузовика, первой машины, которую встретили, проехав больше двадцати миль.

– Никогда не забуду, как я была счастлива, – продолжала Кармен. – Таким аристократам, как Слуп, не надевают наручников в зале суда. После вынесения приговора ему приказали на следующее утро явиться в федеральную тюрьму. Он вернулся домой и собрал чемодан. Был устроен большой семейный обед, затянувшийся допоздна. Затем Слуп поднялся наверх и в последний раз меня избил. На следующее утро друзья отвезли его в тюрьму где-то в Абилине. «Федеральный клуб» – так ее называют. Минимум охраны. Гово-

рят, там имеются все удобства. Я слышала, что заключенным даже разрешено играть в теннис.

– Вы его навещали?

Она покачала головой.

– Я делаю вид, что он умер, – ответила она.

В машине, которая мчалась в сторону дымки на горизонте, воцарилась тишина. На юго-западе действительно высились горы, казавшиеся невероятно далекими.

– Транс-Пекос, – сказала Кармен. – Посмотрите, как меняется цвет. Это очень красиво.

Ричер принялся вглядываться вперед, но солнце светило так ярко, что лишало все вокруг каких бы то ни было красок.

– Тридцать месяцев – это два с половиной года, – проговорила Кармен. – Я решила, что правильнее рассчитывать на меньший срок. Вполне возможно, что он постарается вести себя там хорошо.

– Возможно, – согласился Ричер.

– Итого два с половиной года, – повторила Кармен. – Я потратила впустую первые полтора из них.

– У вас еще осталось двенадцать месяцев. Это много времени.

– Давайте об этом поговорим, – попросила она. – Мы должны придумать, что необходимо сделать. Это важно. Тогда вы сможете увидеть мою ситуацию так, как я ее вижу.

Ричер промолчал.

– Помогите мне. Пожалуйста. Хотя бы теоретически – по-

ка, если вам так хочется.

Ричер пожал плечами и начал обдумывать услышанное с ее точки зрения. Для него самого все было очевидно. Исчезнуть и затаиться – это давно стало его второй натурой.

– Вы должны уехать. Когда речь идет о браке, в котором применяется насилие, мне кажется, другого выхода нет. Вам нужно найти место, где вы будете жить, и какой-нибудь доход.

– Вы так говорите, будто это совсем просто.

– Любой большой город, – сказал Ричер. – У них есть приюты. Самые разные организации.

– А как же Элли?

– В приютах есть няньки, – ответил он. – Они будут о ней заботиться, пока вы работаете. В таких местах много детей. У нее появятся друзья. А через некоторое время вы сможете найти собственное жилье.

– И какую же работу я смогу найти?

– Любую, – сказал Ричер. – Вы умеете читать и писать. Вы учились в колледже.

– И как же я попаду в большой город?

– На самолете, поезде или автобусе. Два билета в одну сторону.

– У меня совсем нет денег.

– Никаких?

– То небольшое, что у меня было, закончилось неделю назад.

Ричер отвернулся от нее.

– Что?

– Вы совсем неплохо одеты для человека, у которого нет денег.

– Заказы по почте, – сказала Кармен. – Я должна сначала заручиться согласием адвоката Слупа. Он подписывает чеки. Так я получаю одежду. Наличных у меня нет.

– Вы можете продать кольцо.

– Я пыталась. Бриллиант фальшивый. Слуп сказал мне, что он настоящий, но это сталь и цирконий. Ювелир страшно развеселился, когда я ему показала кольцо, и сказал, что оно стоит долларов тридцать.

– В доме должны быть деньги, – сказал Ричер. – Вы могли бы украсть немного.

Кармен молчала еще целую милю.

– Тогда меня смогут обвинить сразу в двух преступлениях, – сказала она. – Вы забываете о юридическом статусе Элли. И в этом заключена главная проблема. Она ведь еще и дочь Слупа. Если я перевезу ее через границу штата без его согласия, меня обвинят в том, что я ее украла. Ее портреты появятся везде, даже на коробках с молоком, к примеру. Меня обязательно найдут, отнимут ее, а я отправлюсь в тюрьму. Закон в данном вопросе очень суров. Сегодня разваливающиеся браки являются одной из самых часто встречающихся причин похищения детей. Все адвокаты, с которыми я имела дело, меня об этом предупреждали. Они говорят, что я

должна получить согласие Слупа, а это невозможно. Разве он согласится позволить мне навсегда исчезнуть с его ребенком? Уехать в такое место, где он никогда нас не найдет?

– В таком случае не пересекайте границу штата. Оставайтесь в Техасе. Поезжайте в Даллас.

– Я не останусь в Техасе, – сказала Кармен так, словно давно приняла это решение и никогда его не изменит. – Кроме того, я оказалась в очень непростом положении, – продолжала она. – Мать Слупа следит за мной, пока его нет. Вот почему я не продала кольцо, хотя даже тридцать долларов мне быгодились. Она бы непременно заметила, что оно пропало, и сразу насторожилась бы. Она поняла бы, что я задумала. Она совсем не дура. Так что если она обнаружит, что исчезли деньги и Элли, у меня будет всего несколько часов форы, прежде чем она позвонит шерифу, а тот свяжется с ФБР. Несколько часов мне ничего не дадут, потому что Техас большой штат, автобусы здесь ходят медленно и мне не удастся сбежать.

– Но ведь должен же быть какой-то выход, – сказал Ричер.

Кармен оглянулась на заднее сиденье, где лежал ее портфель. Юридические бумаги.

– Выходов много, – сказала она. – Судебные процессы, постановления, опека суда и все такое прочее. Но адвокаты делают все очень медленно и стоят дорого, а у меня нет денег. Есть адвокаты, которые работают на общественных началах, но они всегда заняты. В общем, все ужасно, невероятно за-

путано.

– Похоже на то, – проговорил Ричер.

– Но за год многое можно сделать, – сказала она. – Год – это куча времени, верно?

– И что?

– Я хочу, чтобы вы простили меня за то, что я зря потратила первые полтора года. Хочу, чтобы вы поняли, почему так произошло. Это так сложно, и я постоянно откладывала решение своих проблем. Я чувствовала себя в безопасности и говорила себе, что у меня еще полно времени. Вы же сами сказали, что двенадцать месяцев – это много. Значит, даже если я начну сейчас, меня можно простить, верно? Никто не скажет, что уже слишком поздно, правда?

Откуда-то из глубины приборной доски прозвучал деликатный сигнал, и тут же рядом со спидометром начал мигать оранжевый огонек в форме заправки.

– Бензин заканчивается, – сказала она.

– Впереди «Эксон», – сообщил ей Ричер. – Я видел рекламный щит. Примерно в пятнадцати милях.

– Мне нужен «Мобил», – ответила она. – В бардачке карточка «Мобила». Заплатить на «Эксоне» я не смогу.

– У вас даже на бензин нет денег?

– Ничего. Сейчас я заправляюсь по карточке свекрови. Она получит счет от «Мобила» только через месяц.

Продолжая держать руль одной рукой, Кармен нашла на заднем сиденье свою сумочку, вытащила ее и бросила на ко-

лени Ричера.

– Проверьте, – сказала она.

Он сидел не шевелясь и не дотрагиваясь до ее сумки.

– Я не могу рыться в женской сумочке, – проговорил он.

– Я хочу, чтобы вы это сделали, – сказала она. – Мне нужно, чтобы вы понимали.

Ричер собрался с духом, раскрыл сумочку, и его тут же окутал мягкий аромат духов и косметики. Внутри лежала щетка для волос с несколькими длинными черными волосинками, щипчики для ногтей и тонкий бумажник.

– Посмотрите внутрь, – сказала Кармен.

В отделении для денег лежала потрепанная купюра в один доллар. И все. Один-единственный доллар. Никаких кредитных карт. Водительские права, выданные в штате Техас, с фотографией, на которой у Кармен был испуганный вид, и в пластиковом окошке фотография маленькой девочки, пухленькой, с розовой гладкой кожей. Блестящие светлые волосы и яркие живые глаза. Сияющая улыбка, крошечные зубки.

– Элли, – сказала Кармен.

– Очень славная.

– Правда? Я тоже так думаю.

– Где вы провели прошлую ночь?

– В машине, – ответила она. – Номер в мотеле стоит сорок баксов.

– В том, где остановился я, чуть меньше двадцати, – сказал Ричер.

– Мне не по карману все, что стоит больше одного доллара, – пожалала плечами Кармен. – Так что приходится ночевать в машине. Здесь довольно удобно. Потом я дожидаясь, когда наступает время завтрака, и моюсь в туалете какой-нибудь закуской, куда набивается много посетителей и где на меня никто не обращает внимания.

– А что вы едите?

– Я не ем.

Она сбросила скорость, видимо пытаясь сэкономить остатки бензина.

– Я заплачу, – сказал Ричер. – Вы же меня везете.

На правой обочине появился очередной щит, сообщавший о том, что в десяти милях находится заправка «Эксон».

– Хорошо, я позволю вам заплатить, но только потому, что хочу побыстрее добраться до Элли, – сказала Кармен.

Она снова прибавила газ, уверенная в том, что на десять миль ей бензина хватит. Ричер решил, что потребуется меньше галлона даже такому большому старому двигателю. Даже на такой скорости. Он откинулся на спинку и начал наблюдать за приближающимся горизонтом. И тут он неожиданно понял, что должен сделать.

– Остановите машину, – велел он.

– Зачем?

– Делайте, что я говорю, ладно?

Она удивленно посмотрела на него, но съехала на неровную обочину, остановившись так, что два колеса остались на

дороге. Двигатель она выключать не стала, и кондиционер продолжал работать.

– А теперь подождем, – сказал Ричер.

Они подождали, пока мимо проедет грузовик, который она обогнала.

– Не двигайтесь, – приказал ей Ричер.

Он отстегнул свой ремень безопасности, прищурившись, оглядел себя и оторвал карман от своей рубашки. Дешевый материал, плохие швы – карман оторвался без особых усилий с его стороны.

– Что на вас надето? – спросил он.

– Что? Что вы делаете?

– Скажите мне, что на вас надето.

Она покраснела и принялась смущенно ерзать на месте.

– Платье, – сказала она. – Нижнее белье. И туфли.

– Покажите мне туфли.

Она на мгновение замерла, потом наклонилась, сняла туфли и передала по одной Ричеру. Он тщательно их проверил. Ничего. Тогда он вернул ей туфли, расстегнул свою рубашку, наклонился вперед и снял ее. Протянул Кармен.

– Я сейчас выйду из машины, – сказал он. – И повернусь к вам спиной. Снимите всю вашу одежду и наденьте мою рубашку. Оставьте вашу одежду на сиденье, а сами вылезайте наружу.

– Зачем?

– Если вы хотите, чтобы я вам помог, делайте, как я гово-

рю. Вся одежду, вы меня поняли?

Он вылез из машины и отошел в сторону. Затем отвернулся и зашагал назад по дороге, по которой они приехали. Было очень жарко, и Ричер чувствовал, как солнце обжигает кожу на плечах. Потом он услышал, как открылась дверца машины, повернулся и увидел, как Кармен выбирается наружу, босиком и в его рубашке, которая казалась на ней огромной. Она переступала с ноги на ногу, потому что асфальт был очень горячим.

– Можете надеть туфли, – крикнул он.

Она наклонилась, достала туфли и надела их.

– А теперь отойдите и подождите немного.

Она снова замерла на мгновение, а потом отошла на десять футов. Ричер вернулся к машине. Ее одежда была аккуратно сложена на сиденье. Не обращая на нее внимания, он снова проверил сумочку, затем портфель. Ничего. Тогда он занялся одеждой, встряхнул ее – она еще сохранила тепло тела Кармен. Платье, лифчик, трусики. В них тоже ничего не оказалось. Он положил все на крышу машины и обыскал остальное.

Это заняло двадцать минут. Ричер тщательно проверил под капотом, внутри салона, под ковриками, под сиденьями, в багажнике, под крыльями автомобиля, везде. Он ничего не нашел и был готов поставить на кон свою жизнь, что ни один гражданский человек не способен спрятать от него что-то в этой машине.

– Ладно, – крикнул он, – одевайтесь.

Ричер стоял, повернувшись к ней спиной, пока не услышал, что она к нему подошла. Она держала в руках его рубашку. Он взял ее и снова надел.

– Что это было? – спросила Кармен.

– Теперь я вам помогу, – ответил Ричер. – Потому что теперь я вам верю.

– Почему?

– Потому что у вас действительно нет ни денег, ни кредитных карт, – сказал он. – Ни в вашей сумочке, ни где-либо еще. Никто не уедет за триста миль от дома на целый день, да еще с ночевкой, совсем без денег. Только тот, у кого действительно серьезные проблемы. А человек с серьезными проблемами заслуживает, чтобы ему помогли.

Кармен лишь молча кивнула, словно приняла комплимент. Или сделала комплимент ему. Они снова сели в машину и закрыли двери. Посидели около минуты, наслаждаясь прохладой, а затем она выехала на дорогу.

– Значит, у вас есть год, – сказал Ричер. – Это много времени. Через год вы можете оказаться в миллионе миль отсюда. Новая жизнь, все сначала. Я для этого вам нужен? Я должен помочь вам выбраться отсюда?

Несколько минут и несколько миль Кармен молчала. Дорога спустилась вниз по пологому холму, затем снова начала подниматься. Вдалеке, на следующем холме, виднелись какие-то строения. Скорее всего, заправочная станция, а ря-

дом с ней станция техпомощи.

– Пока вы должны просто согласиться со мной, что год – это достаточно. И в том, что я столько ждала, нет ничего ужасного.

– Конечно, – не стал спорить Ричер. – Год – это много. И нет ничего страшного в том, что вы ждали.

Она больше ничего не сказала, лишь целеустремленно направилась к заправочной станции, словно от этого зависела ее жизнь.

Сначала они миновали кладбище старых автомобилей – длинный низкий сарай из рифленого железа, передняя стена которого была целиком покрыта колпаками от колес. Позади него простирался целый акр разбитых машин, сваленных в кучи в пять или шесть футов высотой, причем более старые модели оказались в самом низу, словно геологические пласты. За сараем они заметили поворот на заправочную станцию, довольно старую, где вместо цифр на счетчике были стрелки и имелись четыре туалета вместо двух. Настолько старую, что неразговорчивый служащий вышел на жару и сам наполнил бак.

В бак «кадиллака» помещалось больше двадцати галлонов, и это стоило Ричеру столько же, сколько он заплатил за комнату в мотеле. Он протянул деньги в свое окно и отмахнулся от сдачи – доллара мелочью. Он решил, что будет справедливо, если эти монеты получит служащий: термометр на

приборной доске показывал, что на улице сорок с лишним градусов. Неудивительно, что служащий старается помалкивать. Но уже в следующее мгновение Ричер подумал: возможно, ему просто не нравится, что любительница фасоли сидит за рулем «кадиллака», а рядом с ней белый мужчина.

– Gracias, señor, – сказала Кармен. – Спасибо.

– Не за что, – ответил он. – De nada, señorita.

– Вы говорите по-испански?

– Вообще-то, нет, – ответил Ричер. – Я служил в самых разных местах и запомнил по нескольку слов из многих языков. Но не больше того. Кроме французского. Его я знаю довольно прилично. Моя мать была француженкой.

– Из Луизианы или Канады?

– Из Парижа.

– Значит, вы наполовину иностранец, – заметила Кармен.

– Иногда мне кажется, что намного больше чем наполовину.

Она улыбнулась, словно не поверила ему, и покатила в сторону дороги. Стрелка на счетчике показывала, что бак полный, и это, похоже, ее успокоило. Она быстро выехала на свою полосу и прибавила скорость.

– Вам следует называть меня señora, а не señorita, поскольку я замужем, – сказала она.

– Да, наверное, – согласился Ричер.

Кармен целую милю ехала молча, положив обе руки на нижнюю часть руля, затем сделала глубокий вдох:

– Проблема в том, что у меня нет года.

– Почему?

– Потому что месяц назад его приятель адвокат приходил к нам и сказал, что они пытаются заключить какую-то сделку.

– Какую?

– Я не знаю наверняка, никто мне ничего не сказал, но, по-моему, Слуп собирается продать кое-кого из своих деловых партнеров в обмен на сокращение срока. Мне кажется, другой его приятель хочет протащить эту сделку через офис окружного прокурора.

– Дерьмо, – выругался Ричер.

– Точно, дерьмо, – подтвердила Кармен. – Они стараются изо всех сил, чтобы его выпустили пораньше. Мне пришлось улыбаться и делать вид, что я счастлива, ведь Слуп вернется домой. Но в душе я воюю от отчаяния. Я слишком все затянула. Я ничего не делала целых полтора года. Думала, что я в безопасности, и ошиблась. Какая же я дура! Сама того не зная, я сидела в ловушке, а теперь она захлопнулась, и я осталась внутри.

Ричер медленно кивнул. «Надейся на лучшее, но ожидай худшего» – таков был его руководящий принцип.

– Как продвигаются переговоры о сделке? – спросил он.

– Ее уже заключили, – едва слышно ответила Кармен.

– И когда он выходит?

– Сегодня пятница, – сказала она. – Вряд ли его выпустят

на выходных. Думаю, в понедельник. У нас всего пара дней.

– Понятно, – проговорил Ричер.

– Слуп возвращается домой, – сказала она. – И я очень боюсь.

– Понятно, – повторил Ричер.

– Правда?

Он промолчал.

– В понедельник вечером все начнется сначала. И я уверена, что будет еще хуже, чем раньше, – сказала она.

– Может быть, он изменился, – предположил Ричер. – Тюрьма меняет людей.

Бессмысленные слова, он увидел это по ее лицу. Кроме того, по собственному опыту он знал, что тюрьма не меняет людей к лучшему.

– Нет, все будет только хуже. Я знаю, – сказала она. – Знаю совершенно точно. Можете не сомневаться, у меня очень серьезные проблемы, Ричер.

Он услышал какую-то новую интонацию в ее голосе.

– Почему?

Кармен сдвинула руки на руле и крепко зажмурила глаза, хотя они мчались на скорости семьдесят миль в час.

– Потому что это я сообщила о нем налоговикам, – призналась она.

«Форд-краун» ехал на юг, потом на запад, затем, сделав большой круг, свернул на север. Они объехали шоссе, чтобы

заправиться на станции самообслуживания, где всегда много народа. Водитель воспользовался украденной карточкой «Амекс», стер с нее свои отпечатки пальцев и выбросил в контейнер для мусора, стоящий рядом с насосом и заполненный пустыми канистрами из-под бензина, банками из-под воды и использованными бумажными полотенцами. Женщина занялась картой, выбирая, куда они направятся дальше. Она держала палец на точке на карте, пока водитель не забрался на свое место и, обернувшись, не посмотрел на карту.

– Сейчас? – спросил он.

– Просто проверим, – ответила она. – На будущее.

– Мне казалось, я придумала отличный план, – сказала Кармен. – Совершенно беспроблемный. Я знала, какой он упрямый и жадный, поэтому не сомневалась, что он не станет сотрудничать с ними, а значит, отправится в тюрьму, по крайней мере на время. Но даже если по какой-либо случайности ему удалось бы избежать заключения, процесс отвлек бы его от меня. А еще я рассчитывала, что смогу получить какие-то деньги, раз он столько скрыл. Все вышло просто замечательно – кроме денег. Но тогда я считала, что это мелочи.

– Как вы это сделали?

– Просто позвонила. Телефон есть в справочнике. У них там целый отдел, принимающий информацию от супругов. Это один из главных способов, которым они пользуются,

чтобы добраться до тех, кто утаивает свои доходы. Как правило, такое происходит во время разводов, когда люди злятся друг на друга. Но я и без того была на него очень зла.

– А почему вы не подали на развод? – спросил Ричер. – Муж в тюрьме – это достаточное основание.

Кармен посмотрела в зеркало на портфель, лежащий на заднем сиденье.

– Это не решило бы проблему с Элли, – ответила она. – На самом деле было бы только хуже, поскольку все понимали бы, что я уеду из штата. По закону Слуп может потребовать, чтобы я официально сообщила ему о ее местонахождении, и он бы непременно это сделал.

– Вы могли бы остаться в Техасе, – снова сказал Ричер.

Она кивнула.

– Я знаю, знаю, – проговорила она. – Но я не могу. Не могу, и все. Да, это звучит не слишком разумно, но я просто не могу остаться. Техас красивый штат, и тут попадаются хорошие люди, кроме того, он большой, и я могла бы уехать куда-нибудь далеко, но для меня он является *символом*. Здесь со мной происходили вещи, от которых я должна оказаться как можно дальше. И дело не только в Слупе.

Ричер пожал плечами и сказал:

– Это ваше решение.

Кармен сосредоточилась на дороге, которая начала спускаться вниз с плоского широкого холма размером с Род-Айленд.

– Покрывающая порода, известняк или что-то вроде того, – сказала она. – Вода испарилась миллион лет назад, и остался только камень. Геологические отложения.

Она произнесла это не слишком уверенно, видимо, сама не очень разбиралась в том, о чем говорила.

– И что же вы хотите, чтобы я сделал? – спросил Ричер.

– Я не знаю, – ответила она, хотя Ричер не сомневался, что она отлично это знает.

– Помочь вам убежать? Наверное, с такой задачей я смогу справиться.

Кармен молчала.

– Вы наверняка имели что-то в виду, когда меня подобрали, – сказал он.

Она ничего не ответила, и Ричер представил себе потенциальных помощников, которых она ему описала. Безработные наездники родео и подсобные рабочие на нефтепромысле. Люди самых разных талантов, но он сомневался, что среди них найдутся такие, кто сможет помочь ей скрыться от федерального розыска. Она сделала правильный выбор. Или ей просто повезло.

– Вам нельзя терять время, – сказал он. – У вас всего два дня, значит нужно действовать немедленно. Мы заберем Элли, развернем машину – и в путь. Думаю, Вегас будет первой остановкой.

– И что я там буду делать?

– Выправите себе документы, – ответил он. – В Вегасе мы

неприменно сможем это сделать, пусть и временно. У меня есть деньги. Если понадобится, я смогу получить еще.

– Я не могу брать у вас деньги. Это будет нечестно, – ответила Кармен.

– Честно или нет, но вам понадобятся деньги. Отдадите мне потом. Затем, возможно, вам следует вернуться в Лос-Анджелес. Там вы сможете сделать себе новые документы.

Кармен едва заметно улыбнулась:

– Нет, я не могу бежать. Не могу стать человеком вне закона. Кем бы я ни была, я никогда не нарушала закон. И не собираюсь это делать сейчас, да еще впутывать Элли. Она заслуживает лучшего.

– Вы обе заслуживаете лучшего, – сказал Ричер.

– Я гражданка своей страны. Подумайте, что это значит для человека вроде меня. Я не собираюсь от этого отказываться. Не собираюсь делать вид, что я другой человек.

– И каков же ваш план?

– Вы мой план, – ответила она.

Ковбой, подсобные рабочие, бывший военный коп ростом в шесть футов пять дюймов и весом в двести пятьдесят фунтов.

– Вы хотите, чтобы я стал вашим телохранителем? – спросил Ричер.

Она молчала.

– Кармен, мне очень жаль, что вы оказались в таком положении, поверьте, я вам очень сочувствую.

Никакого ответа.

– Но я не могу быть вашим телохранителем.

Никакого ответа.

– Я не могу, – повторил он. – Это же смешно. Как вы себе это представляете? Вы думаете, что я смогу находиться рядом с вами двадцать четыре часа в сутки? Семь дней в неделю? Следить за тем, чтобы он вас не бил?

Никакого ответа.

В нескольких милях впереди в жарком мареве появилась громадная транспортная развязка.

– Это смешно, – снова сказал Ричер. – Наверное, я могу его предупредить. И напугать. Могу слегка отделать, чтобы он лучше меня понял. Но что будет, когда я уеду? Рано или поздно я все равно уеду, Кармен. Я не собираюсь здесь оставаться, потому что не люблю подолгу жить в одном месте. И дело не только во мне. Никто не сможет остаться рядом с вами так надолго. На десять лет. Или двадцать. Или сколько там пройдет, прежде чем он умрет от старости.

Никакого ответа. И никакой реакции. Словно его слова стали для нее огромным разочарованием. Она слушала и продолжала ехать вперед быстро и уверенно – и молча, словно оттягивала время. Перед ними появилась развязка, Кармен объехала ее и направилась на запад, миновав указатель, сообщавший, что Пекос находится в семидесяти пяти милях.

– Мне не нужен телохранитель, – сказала она наконец. – Конечно же, это смешно.

– В таком случае зачем я вам?

Она выбрала центральную полосу и прибавила скорость. Ричер наблюдал за ее лицом, которое совершенно ничего не выражало.

– Зачем я вам нужен? – повторил он свой вопрос.

Она поколебалась несколько мгновений, а затем проговорила:

– Я не могу это произнести.

– Что?

Кармен открыла рот, снова его закрыла, с трудом сглотнула и промолчала. Ричер не сводил с нее глаз. *Ковбои, подсобные рабочие, бывший военный коп. Могила Клея Эллисона, красивая надпись, некролог в канзасской газете.*

– Вы спятили, – сказал он.

– Правда?

На ее скулах появились ярко-красные пятна размером с четвертак.

– Совершенно не в своем уме, – подтвердил Ричер. – Можете об этом забыть.

– Я не могу забыть. Я хочу, чтобы он умер, Ричер, – сказала она. – Очень хочу. Это для меня единственный выход. Кроме того, он заслуживает смерти.

– Скажите мне, что вы шутите.

– Я не шучу. И хочу, чтобы его убили.

Он покачал головой и стал смотреть в окно.

– Забудьте про это. Чушь какая-то. Здесь больше не Ди-

кий Запад.

– Да? Разве не правильно убить человека, который это за-служил?

И она снова замолчала, словно ждала от него ответа. Ричер смотрел на пронесившийся за окнами пейзаж. Машина приближалась к далеким горам. Ослепительное солнце окрашивало их в пурпурные и красные тона. И цвет воздуха тоже изменился. Кармен сказала, что это Транс-Пекос.

– Пожалуйста, Ричер, – взмолилась она. – Прошу вас. По крайней мере, подумайте об этом.

Он молчал. «Пожалуйста»? «По крайней мере, подумайте об этом»? Он не знал, как реагировать на ее слова. Перевел глаза с гор на дорогу, заполненную машинами, – река легковых автомобилей и грузовиков, текущая по огромному плоскому пространству. «Кадиллак» обгонял машины одну за другой на огромной скорости.

– Я не сумасшедшая, – сказала Кармен. – Я пыталась устроить все как полагается. Правда пыталась. Как только его адвокат сообщил нам о сделке, я встретила со своим адвокатом, потом еще с тремя, но ни один из них ничего не может для меня сделать быстрее чем за месяц. Все, что они мне сказали, сводится к тому, что из-за Элли я оказалась в том положении, в котором нахожусь сейчас. И я стала искать способ защититься. Разговаривала с частными детективами, но они отказались мне помочь. Я съездила в охранное агентство в Остине, и они сказали, что смогут охранять меня

круглые сутки, но на это потребуется шесть человек и десять тысяч долларов в неделю. Для меня это все равно что услышать «нет». Я пыталась, Ричер. Пыталась следовать закону. Но у меня ничего не вышло.

Ричер продолжал молчать.

– Поэтому я купила пистолет.

– Замечательно, – сказал он.

– И пули, – добавила она. – На это ушли все деньги, что у меня были.

– Вы выбрали не того парня, – проговорил Ричер.

– Почему? Вам же приходилось убивать людей. В армии.

Вы мне сами говорили.

– Это другое.

– В каком смысле?

– Это будет убийство. Хладнокровное убийство.

– Нет, это будет то же самое. Совсем как в армии.

Ричер покачал головой:

– Кармен, это не то же самое.

– Разве вы не давали клятву или что-то вроде того? Не давали слово защищать людей?

– Это не то же самое, – повторил он.

Они промчались мимо восемнадцатиколесного грузовика, направлявшегося на побережье, и «кадиллак» обдало горячим воздухом из его двигателя.

– Сбросьте скорость, – сказал Ричер.

– Я не могу. Я хочу видеть Элли, – ответила Кармен.

Ричер дотронулся до приборной доски, чтобы восстановить равновесие, и на него повеяло холодным воздухом из кондиционера.

– Не волнуйтесь, – сказала Кармен. – Я не разобьюсь. Я нужна Элли. Если бы не она, поверьте мне, я бы уже давно покончила с собой.

Однако она немного сбросила скорость, и грузовик их догнал.

– Я понимаю, это непростой разговор, – сказала она.

– В самом деле?

– Но вы должны посмотреть на ситуацию с моей точки зрения. Прошу вас, Ричер. Я уже миллион раз все обдумала. С самого начала и до конца. И снова с начала. Я рассмотрела все возможности. Такой выход кажется мне логичным и единственным. Я знаю это. Но мне трудно обсуждать его с вами, потому что вы не думали раньше о подобных вещах. Для вас моя просьба – неожиданность. Вот почему вам кажется, что я сошла с ума и у меня нет сердца. Я знаю. И ценю вашу реакцию. Но я не сумасшедшая и не хладнокровный убийца. Просто у меня было время, чтобы принять решение, а у вас – нет. Поверьте мне, другого пути нет.

– Как бы там ни было, я не стану убивать человека, которого никогда не видел.

– Он бьет меня, Ричер, – сказала она. – Очень сильно. Кулаками, ногами, причиняет мне боль. Ему это нравится. Он всегда смеется, когда избивает меня. А я живу в постоянном

страхе.

– Обратитесь к копам.

– У нас только один коп, и он мне никогда не поверит. А если и поверит, не станет ничего делать. Они все там закадычные друзья. Вы не знаете, какие у нас законы.

Ричер молчал.

– Он возвращается домой, – продолжала Кармен. – Вы можете себе представить, что он со мной сделает?

Ричер продолжал молчать.

– Я в ловушке, Ричер. Из-за Элли. Вы понимаете это?

Ричер молчал.

– Почему вы не хотите мне помочь? Дело в деньгах? В том, что я не могу вам заплатить?

Ричер молчал.

– Я в отчаянии, – сказала она. – Вы мой единственный шанс. Я вас умоляю. Почему вы отказываетесь это сделать? Из-за того, что я мексиканка?

Ричер молчал.

– Все потому, что я грязная любительница фасоли, да? Вы бы не отказались, если бы вас попросила белая женщина вроде вашей подружки? Не сомневаюсь, что она белая. Наверное, блондинка?

– Да, она блондинка, – сказал Ричер.

– Если бы ее избивал какой-нибудь мужчина, вы бы его убили.

«Конечно убил бы», – подумал Ричер.

– А она сбежала без вас в Европу. Разве вы не хотели с ней поехать? Вы бы сделали это для нее, а мне отказываете.

– Это не то же самое, – в третий раз повторил Ричер.

– Я знаю, – проговорила она. – Потому что я грязь у вас под ногами. Я не стою ваших усилий.

Ричер молчал.

– Как ее зовут, вашу подружку? – спросила Кармен.

– Джоди, – ответил он.

– Хорошо, представьте, что в Европе Джоди попала в ситуацию, когда какой-то маньяк-садист избивает ее каждый день. Она вам об этом рассказала. Выложила все, что накопилось у нее в душе. Все, до мельчайших унижительных подробностей. Что бы вы стали делать?

«Убил бы его», – подумал Ричер.

Кармен кивнула, словно сумела прочесть его мысли.

– Но для меня вы не хотите этого сделать. Для белой женщины – пожалуйста, а для меня – нет.

Ричер открыл было рот, чтобы ей ответить, но вдруг понял, что для Джоди Гарбер он бы это сделал, а вот для Кармен Грир – нет. Почему? Потому что такие вещи делаются не хладнокровно, а в порыве охвативших тебя чувств, которые нельзя вызвать искусственно. Если ничего такого нет, то ничего и не будет. Все очень просто. Он уже много раз убеждался в этой истине. Если кто-то с ним связывался, он получал по полной программе. Обидеть Джоди – это все равно что выступить против него, потому что Джоди – все равно

что он сам. По крайней мере, так было. В отличие от Кармен, которая никогда не будет значить для него столько, сколько значила Джоди, поэтому никакого порыва чувств нет и не будет.

– Дело тут вовсе не в белых или мексиканцах, – тихо проговорил он.

Когда она ничего не ответила, он продолжил:

– Прошу вас, Кармен, поймите же наконец.

– Тогда в чем дело?

– В том, что я знаю ее и не знаю вас.

– И это имеет значение?

– Разумеется, имеет.

– Ну так узнайте меня, – сказала она. – У нас есть два дня.

Скоро вы познакомитесь с моей дочерью. Узнайте нас.

Ричер молчал, они продолжали ехать вперед. До Пекоса осталось пятьдесят пять миль.

– Вы были полицейским, – продолжала Кармен. – Вы должны помогать людям. Или вы боитесь? Вы трус?

Ричер молчал.

– Вы же можете это сделать. Делали раньше. Значит, знаете как. Вы сможете его убить и не попасться. Спрятать тело так, что его никто не найдет. Например, в пустыне. Никто ничего не узнает. Если вы будете соблюдать осторожность, на вас никто не подумает. Вас не поймают. Вам хватит ума.

Ричер молчал.

– Ведь вам хватит ума? Вы знаете, как делаются такие ве-

щи? Знаете?

– Естественно, знаю, – ответил Ричер. – Но я не стану этого делать.

– Почему?

– Я уже сказал почему. Потому что я не убийца.

– Но я в отчаянии, – повторила Кармен. – Мне необходимо, чтобы вы это сделали. Я вас умоляю. Я готова на все, если вы мне поможете.

Ричер молчал.

– Чего вы хотите, Ричер? Секса? Пожалуйста, я согласна.

– Остановите машину, – сказал он.

– Зачем?

– Затем, что с меня достаточно.

Кармен вдавила педаль газа в пол, и машина рванулась вперед. Ричер оглянулся назад, потом наклонился к ней и резким движением поставил передачу на нейтраль. Двигатель взвыл, и машина сбросила скорость. Левой рукой Ричер схватил руль, вырвал из рук Кармен и направил машину на обочину. Она дернулась и остановилась. Ричер выбрался наружу и попытался успокоиться. Горячий воздух ударил в него, словно могучий молот, но он закрыл дверь и пошел в противоположную сторону.

Глава 4

Через двадцать ярдов Ричер отчаянно вспотел и пожалел о своем решении. Он находился посреди огромного пустого пространства, шел пешком по большому шоссе, по которому самые медленные машины ехали со скоростью шестьдесят миль в час. Вряд ли кто-нибудь захочет остановиться, чтобы его подобрать. Но даже если и захочет, им потребуется время, чтобы среагировать, потом посмотреть в зеркало и притормозить, – короче говоря, они успеют оказаться от него на целую милю. Они пожмут плечами, снова прибавят газа и поедут дальше. «Только дурак может рассчитывать, что его подберут в таком месте», – подумают они.

Хуже чем дурак. Настоящий самоубийца. Солнце палило нещадно, и Ричер решил, что температура воздуха не меньше сорока двух градусов. Воздушный поток от проезжающих машин был похож на порывы штормового ветра, громадные грузовики проносились мимо с такой скоростью, что ему чудом удавалось удержаться на ногах. У него не было воды. Он едва мог сделать вдох. Примерно в пяти ярдах от него по шоссе мчался нескончаемый поток людей, но он был один, как в пустыне. Если не появится полицейский и не арестует его за нарушение правил уличного движения, он вполне может здесь умереть.

Ричер повернулся и увидел «кадиллак», который по-

прежнему неподвижно стоял на обочине. Однако Ричер продолжал уходить от него, прошел пятьдесят ярдов и остановился. Повернулся лицом на восток и поднял большой палец. Впрочем, как он и предполагал, никто не остановился. Через пять минут и примерно сотню машин единственным полученным им ответом был гудок громадного грузовика, который промчался мимо с пронзительным визгом шин, подняв тучи пыли и мелких камешков. Ричер задыхался и чувствовал, как кожа горит под лучами безжалостного солнца.

Он снова обернулся и увидел, что «кадиллак» дернулся назад и поехал к нему по обочине. Кармен никак не удавалось выровнять машину, и она виляла, чудом избегая столкновения с проезжающими машинами. Ричер зашагал в ее сторону, и Кармен прибавила скорость. Тогда Ричер побежал и остановился около «кадиллака», когда тот резко затормозил. Машина даже слегка присела назад. Кармен открыла окно со стороны пассажирского сиденья.

– Извините меня, – сказала она.

Он не услышал ее слов за шумом, но прочитал их по ее губам.

– Садитесь, – сказала она.

Рубашка уже прилипла к спине Ричера, в глаза набилась пыль, шум проезжающих машин оглушал.

– Садитесь, – одними губами произнесла Кармен. – И извините меня.

Он забрался в машину и почувствовал то же самое, что

в первый раз: шум кондиционера, холодная кожа сиденья, маленькая испуганная женщина за рулем.

– Простите меня, пожалуйста, – повторила она. – Мне очень жаль. Я говорила глупости.

Ричер захлопнул дверцу, и вокруг него мгновенно воцарилась тишина. Он поднес руки к потоку холодного воздуха, льющегося из кондиционера.

– И я ничего такого не имела в виду, – сказала она.

– Ладно, забудем, – ответил он.

– Честное слово. Просто я в отчаянии и уже перестала отличать добро от зла. А еще я сожалею, что заговорила про секс. Это было отвратительно. – Неожиданно у нее сделался несчастный голос, и она добавила: – Понимаете, некоторые парни из тех, что я подбирала... ну, мне казалось, что это единственная плата, которая их устроит.

– И вы бы согласились переспать с ними в обмен на обещание убить вашего мужа?

Кармен кивнула:

– Я же вам говорила, что я в отчаянии, я напугана и чувствую себя в ловушке. Кроме этого, мне больше нечего предложить.

Ричер ничего не ответил.

– Ну и... я видела, как это бывает в кино.

– Я тоже видел такие фильмы, – сказал Ричер. – Убийце никогда не удастся уйти от правосудия.

Кармен довольно долго молчала.

– Значит, вы не станете его убивать, – произнесла она с утвердительной интонацией.

– Не стану, – кивнул Ричер.

Она снова погрузилась в молчание.

– Ладно. Я высажу вас в Пекосе, – сказала она наконец. – Пешком вы туда не доберетесь. Просто умрете от жары.

Ричер задумался, а потом тряхнул головой. Ему все равно нужно было где-то находиться. А когда ты постоянно в пути, ты довольно быстро начинаешь понимать, что все места похожи друг на друга.

– Нет, я поеду с вами, – сказал он. – На несколько дней. Мне очень жаль, что вы попали в такое положение. Мне правда жаль. То, что я не собираюсь хладнокровно убивать вашего мужа, еще не значит, что я не хочу помочь вам как-нибудь иначе. Если смогу, конечно. И если вам это все еще нужно.

– Да, мне это нужно, – сказала она.

– И я хочу познакомиться с Элли. Судя по фотографии, она славная девчушка.

– Она действительно славная.

– Но я не стану убивать ее отца.

Кармен молчала.

– Вы меня поняли?

– Я поняла, – сказала она. – Мне очень жаль, что я вас об этом попросила.

– Дело не во мне, Кармен, – проговорил Ричер. – На та-

кое никто не согласится. Вы себя обманывали. Вы придумали плохой план.

У нее был несчастный, потерянный вид.

– Мне казалось, что никто не сможет отказаться, когда все узнает, – сказала она.

Она повернулась, чтобы посмотреть на поток автомобилей у себя за спиной. Через шесть машин она выехала на шоссе, и уже через минуту они мчались вперед на скорости восемьдесят миль в час, обгоняя одну машину за другой. Грузовик, который посигналил Ричеру, обдав его пылью, продержался целых семь минут, прежде чем они вырвались вперед.

«Форд-краун» добрался до места, выбранного женщиной, за восемьдесят минут. Это было пустое коричневое пятно размером с дюйм на карте и пустое коричневое пятно шириной в сорок миль в реальности. По нему проходила дорога, которая направлялась примерно на северо-восток, в сторону далеких гор. Безлюдное, бросовое, пропитанное жарким солнцем место. Оно было именно таким, как и предсказывала женщина. И оно отлично подойдет для их целей. Женщина улыбнулась. Она обладала удивительной интуицией в том, что касалось выбора местности.

– Хорошо, – сказала она. – Завтра первым делом. Прямо здесь.

Большая машина развернулась и направилась назад, на

юг. Пыль, поднятая ее колесами, еще долго висела в воздухе, а потом начала медленно оседать на землю.

Кармен съехала с шоссе перед Пекосом и помчалась на юг по маленькой сельской дороге, ведущей в пустоту. Через пять миль они вполне могли оказаться на поверхности Луны.

– Расскажите про Эхо, – попросил Ричер.

– А что тут рассказывать? – пожала плечами Кармен. – Нечего. Когда сто лет назад впервые составляли карту Техаса, Бюро по переписи населения считало место населенным, если там жили шесть человек на одну квадратную милю, но мы до сих пор не отвечаем этому требованию. Мы по-прежнему остаемся границей.

– Но здесь очень красиво, – сказал Ричер.

И он не кривил душой. Дорога змеилась, то опускаясь, то поднимаясь, следуя за контурами земли. По обе стороны располагались каньоны из красного камня, глубокие и величественные на востоке и неровные на западе, где древние реки стремились добраться до Рио-Гранде. За ними высились стройные горы, застывшие под ослепительно-голубым, бездонным небом. Даже в мчащейся на огромной скорости машине Ричер чувствовал поразительную тишину, царящую на тысячах квадратных миль абсолютной пустоты.

– Я ненавижу это место, – сказала Кармен.

– Где я буду находиться? – спросил Ричер.

– В поместье. Скорее всего, в доме для слуг. Вас наймут

ухаживать за лошадьми. Нам всегда не хватает работников. Если вы поведете себя правильно, они вас возьмут. Можете сказать, что вы ковбой и работали на ранчо. Это будет хорошим прикрытием. Так вы сможете быть поблизости.

– Я ничего не знаю о лошадях.

– Может, они этого и не заметят, – хмыкнула Кармен. – Они мало что замечают. Например, как меня избивает до полусмерти мой собственный муж.

Через час выяснилось, что они опаздывают. Кармен вела машину на такой скорости, что визг шин стал постоянным сопровождением и почти не стихал. Они поднялись по длинному крутому склону, затем повернули между двумя скалистыми столбами наверху, и неожиданно глазам Ричера предстала бесконечная плоская равнина. Дорога походила на извивающуюся коричневую ленту, в двадцати милях дальше ее пересекала другая дорога, казавшаяся в жарком мареве тонкой линией на карте. На пересечении виднелось несколько крошечных строений, но, если не считать их и двух дорог, нигде не наблюдалось каких-либо свидетельств того, что на этой планете живут люди.

– Округ Эхо, – сообщила Кармен. – Все, что вы видите, и много еще чего. Тысяча квадратных миль, сто пятьдесят жителей. Точнее, сто сорок восемь, потому что один из них сидит в тюрьме, а другая рядом с вами.

Она произнесла это с кривой улыбкой, и Ричер решил,

что настроение у нее немного улучшилось. Она смотрела на крошечное облако пыли, видневшееся на дороге далеко внизу, примерно в четверти пути до развилки. Оно напоминало хвост белки и медленно ползло на юг.

– Это, наверное, школьный автобус, – сказала она. – Мы должны обогнать его до города. Иначе Элли сядет в него и мы ее упустим.

– До города? – спросил Ричер.

Кармен снова мимолетно улыбнулась:

– Вы на него смотрите. Это центр Эха.

Она еще прибавила скорость, и за «кадиллаком» поднялось новое облако пыли. Местность вокруг была такой безграничной, что казалось, будто машина ползет абсурдно медленно. Ричер прикинул, что автобус находится примерно в получасе от пересечения дорог, а «кадиллак» едет в два раза быстрее. Значит, они должны догнать его минут через пятнадцать, хотя возвышенность и чистый воздух пустыни создавали иллюзию, что автобус совсем близко и к нему можно прикоснуться рукой, как к детской игрушке, лежащей на полу.

– Хорошо, что вы едете со мной, – сказала она. – Я искренне вам благодарна.

– No hay de que, señorita, – ответил Ричер.

– Значит, вы знаете больше чем несколько слов.

– В армии было много людей, которые говорили по-испански, – пожав плечами, ответил он. – На самом деле бóльшая

часть молодого поколения. Лучшие из них.

– Как в бейсболе, – заметила Кармен.

– Точно, как в бейсболе, – подтвердил Ричер.

– Но вам следует называть меня сеñора. Señorita слишком приятно слышать.

Она снова прибавила скорость и примерно за милю до того, как они нагнали автобус, выехала на встречную полосу, чтобы его объехать. Ричер решил, что это совершенно безопасно: шансы на то, что им попадется встречный транспорт, были ниже, чем на выигрыш в лотерею. Кармен промчалась мимо автобуса, окутанного клубами пыли, и еще милю ехала по левой полосе. Затем сдвинулась вправо и через пять минут сбросила скорость, потому что они приближались к перекрестку.

Отсюда деревушка выглядела потрепанной и жалкой, как бывает с маленькими городками, слишком долго простоявшими под лучами палящего солнца. Тут и там попадались участки, заросшие сухими колючими сорняками и обнесенные низкими кирпичными стенами, – коммерческие зоны, которые так и не получили развития. Справа, на северо-западном углу, Ричер заметил закусочную – длинный низкий деревянный сарай, покрытый облупившейся краской. По диагонали от него располагалась школа, крошечное строение с одним классом – совсем как в книжках по истории, в разделе «Начало деревенского образования». Напротив школы устроилась заправочная станция с двумя насоса-

ми и маленьким двориком, где на стоянке стояли машины. По диагонали от заправки и на противоположной стороне от школы Ричер успел увидеть пустой участок с разбросанными повсюду бетонными блоками, словно кто-то, исполненный оптимизма, приступил к строительству, пытаясь реализовать свой план, но забросил его на полпути, возможно, еще во времена Линдона Джонсона⁸. Кроме того, здесь имелось четыре одноэтажных здания из простого бетона, с узкими подъездными дорогами, ведущими от шоссе. Жилые дома, догадался Ричер. Во дворах валялся разнообразный мусор, старая мебель, детские велосипеды, стояли машины. Их окружали низкие проволочные ограды, наверное, чтобы помешать крупным змеям пробраться внутрь. Земля пропеклась на солнце.

На перекрестке не было никаких знаков, только широкие линии на асфальте, выгоревшие на солнце. Кармен проехала прямо, миновала школу и развернулась посреди дороги, не обращая внимания на неглубокие дренажные канавы, расположенные по обеим сторонам. Затем она вернулась назад и остановилась так, что ворота школы оказались прямо у окна Ричера. Школьный двор был обнесен толстой проволокой, совсем как площадка для выгула собак, а ворота представляли собой не слишком ровный прямоугольник из металлических трубок, обтянутых такой же проволокой.

Кармен смотрела мимо Ричера на школьную дверь. С се-

⁸ Линдон Бейнс Джонсон (1908–1973) – 36-й президент США (в 1963–1969 гг.).

вера с натужным ревом подъехал автобус и остановился на своей стороне дороги, параллельно «кадиллаку», носом в противоположном направлении. В следующее мгновение открылась дверь школы, и на пороге появилась женщина. Она двигалась медленно, и у нее был усталый вид. Учительница в конце рабочего дня, подумал Ричер. Увидев автобус, она помахала детям рукой, и они начали выходить наружу. Семнадцать человек, девять девочек и восемь мальчиков. Элли Грир оказалась в строю седьмой. Она была в голубом платье, и Ричер заметил, что она вспотела. Он узнал ее по фотографии и по тому, как Кармен зашевелилась рядом с ним. Она вздохнула и потянулась к ручке двери.

Обежав машину, она встретила дочь на утоптанном участке земли, служившем тротуаром, крепко обняла ее и прижала к себе, а потом начала с ней кружиться. Девочка весело болтала маленькими ножками, а ее синяя коробка для завтрака колотила Кармен по спине. Ричер видел, что девочка смеется, а на глазах ее матери выступили слезы. Не выпуская друг друга из объятий, они вместе подошли к машине. Кармен открыла дверь, Элли забралась на водительское сиденье и застыла, увидев Ричера. Она тут же замолчала, и глаза у нее широко раскрылись.

– Это мистер Ричер, – представила его Кармен.

Элли повернулась и посмотрела на нее.

– Он мой друг. Поздоровайся с ним, – сказала Кармен.

Элли снова повернулась к Ричеру.

– Здравствуйте, – сказала она.

– Привет, Элли, – ответил Ричер. – Как дела в школе?

– Все в порядке, – сказала девчужка.

– Научилась чему-нибудь?

– Писать некоторые слова.

Она помолчала немного и высоко подняла голову.

– Трудные, – добавила она. – «Балл» и «холл».

Ричер кивнул с серьезным видом.

– Четыре буквы, – сказал он. – Это круто.

– Я уверена, что вы умеете их писать.

– Б-а-л-л, – произнес по буквам Ричер. – Х-о-л-л. Правильно?

– Вы взрослый, – сказала Элли так, словно он сдал экзамен. – Но знаете, что сказала учительница? Что букв четыре, а на самом деле их три, потому что «л» повторяется два раза. В самом конце.

– Ты умная девочка, – сказал Ричер. – А теперь садись назад, чтобы твоя мама не стояла на жаре.

Элли пробралась мимо его левого плеча, и он уловил запах начальной школы. Ричер посещал, наверное, пятнадцать разных школ, большинство из них в разных странах и на разных континентах, но все они пахли одинаково. Прошло лет тридцать с тех пор, как он заходил в школу, но он по-прежнему ее помнил.

– Мама! – позвала Элли.

Кармен села в машину и закрыла дверь. Она раскрасне-

лась то ли от жары, то ли от быстрого движения, то ли от коротких мгновений счастья.

– Мама, очень жарко, – сказала Элли. – Давай купим в кафе мороженое с содовой.

Ричер видел, что Кармен улыбнулась и хотела согласиться, но в следующее мгновение бросила взгляд на свою сумочку и вспомнила про лежащий там одинокий доллар.

– В кафе, мама, – повторила Элли. – Мороженое с содовой. Очень помогает, когда жарко. И поедем домой.

Кармен заметно погрузилась, особенно когда до нее дошел смысл последнего слова – «домой». Ричер решил, что пришла пора вмешаться.

– Отличная мысль, – сказал он. – Мороженое и содовая. Я угощаю.

Кармен бросила на него взгляд, она зависела от него, и ей это не нравилось. Однако она все равно развернула машину, проехала через перекресток и свернула на парковку перед закусочной. Она остановила «кадиллак» в тени у северной стены, рядом с единственной машиной, новеньким и блестящим «фордом-краун» цвета синий металлик. Ричер подумал, что это полицейская машина без опознавательных знаков или же взятая напрокат.

Внутри закусочной оказалось прохладно благодаря старому кондиционеру, работавшему под потолком. А еще там было пусто, если не считать сидевших у окна трех пассажиров «форда», самых обычных, непримечательных людей, скорее

всего живущих в городе. Женщина была симпатичная, со светлыми волосами, один мужчина – невысокий и смуглый, а другой – высокий и светловолосый. Значит, они не копы, машину взяли напрокат. Наверное, представители какой-нибудь торговой компании, направляются куда-то между Сан-Антонио и Эль-Пасо. Может быть, в чемоданах у них тяжелые образцы и потому они не смогли воспользоваться самолетом. Он отвернулся от них и прошел за Элли в кабинку в противоположном конце зала.

– Это самый лучший столик, – сказала она. – У остальных рваные сиденья, их зашили, но толстыми нитками, и можно поцарапать попку или ногу.

– Ты, наверное, здесь уже бывала, – сказал Ричер.

– Конечно бывала. – Она захихикала, словно он сказал глупость, и Ричер увидел два ряда ровных маленьких зубов. – Много раз.

Затем она подпрыгнула и заскользила по виниловому покрытию сиденья.

– Мама, садись рядом со мной, – позвала она.

Кармен улыбнулась:

– Я сначала схожу в туалет. Я быстро. А ты оставайся с мистером Ричером.

Девочка с серьезным видом кивнула. Мистер Ричер уселся напротив нее, и они принялись откровенно разглядывать друг друга. Ричер не знал, что увидела она, а он смотрел на живой оригинал фотографии из бумажника Кармен. Густые,

пшеничного цвета волосы, завязанные в хвостик; совсем не подходящие к волосам широко раскрытые темные глаза, глядящие сейчас на него, а не в объектив фотоаппарата; маленький носик, не улыбочивый рот. И великолепная кожа, похожая на влажный розовый бархат.

– А вы где ходили в школу? – спросила она. – Тоже здесь?

– Нет, я ходил в разные школы, – ответил Ричер. – Я много переезжал с места на место.

– Значит, вы не ходили все время в одну и ту же школу?

Ричер покачал головой:

– Я учился в одной и той же школе по несколько месяцев.

Элли сосредоточенно задумалась. Не стала спрашивать почему. Просто изучала его слова с точки зрения недостатков и достоинств.

– Как же вы запоминали, где что находится? Например, туалет. Вы и учительницу могли забыть и назвать ее другим именем.

– Когда ты молодой, ты все прекрасно запоминаешь. А когда становишься взрослым, начинаешь многое забывать.

– Я тоже забываю, – сказала она. – Вот, например, как выглядит мой папа. Он в тюрьме. Но по-моему, он скоро вернется домой.

– Да, вернется.

– А где вы ходили в школу, когда вам было шесть с половиной лет, как мне?

Школа была центром ее вселенной. Ричер стал вспоми-

нать. Когда ему было шесть с половиной, война во Вьетнаме еще не достигла своего пика, но уже шла вовсю, и его отец наверняка в то время находился где-то там. Значит, тот год разделился между Гуамом и Манилой. По большей части Ричер жил в Маниле, судя по его воспоминаниям о домах и растительности, местах, где он играл и прятался.

– На Филиппинах, – ответил он.

– Это тоже в Техасе? – спросила Элли.

– Нет, это острова, которые находятся между Тихим океаном и Южно-Китайским морем. Прямо в океане. Далеко отсюда.

– Океан, – проговорила она с сомнением. – А он в Америке?

– В твоей школе на стене висит карта?

– Висит. Карта всего мира.

– Так вот, океаны – это все, что закрашено голубым.

– Там много голубого.

– Точно, – подтвердил Ричер.

– Моя мама ходила в школу в Калифорнии.

– Калифорния тоже есть на карте. Найди Техас и посмотри налево.

Он заметил, что она смотрит на свои руки, пытаясь вспомнить, которая из них правая, а которая левая. Затем она подняла голову и взглянула ему через плечо. Ричер обернулся и обнаружил, что Кармен возвращается, но ей пришлось задержаться из-за компании торговых агентов, которые как раз

в этот момент начали подниматься, выбираясь из своей кабинки. Она подождала, когда они дойдут до двери и освободят проход, затем быстро подошла к столику и села одним грациозным движением. Она прижалась к Элли, обняла ее одной рукой, а другой принялась щекотать, получив в награду радостный визг. Официантка рассчиталась с тремя посетителями и подошла к ним с блокнотом и карандашом в руках.

– Три кока-колы с мороженым, пожалуйста, – громко и четко проговорила Элли.

Официантка записала заказ, сказала:

– Сейчас принесу, дорогая, – и ушла.

– Нормально? – спросила Кармен.

Ричер кивнул. Как и запах начальной школы, он помнил вкус этого напитка. Впервые он попробовал кока-колу в Берлине, в гарнизонной столовой, низком куонсетском ангаре⁹, оставшемся после оккупации города четырьмя странами. Стоял теплый летний день, никаких кондиционеров не было, и Ричер помнил ощущение горячей кожи и пузырьков, щекочущих нос.

– Вообще-то, это глупо, – заявила Элли. – Мороженое плавает в кока-коле, значит, оно должно называться «мороженое с кока-колой».

⁹ *Куонсетский ангар* – ангар полуцилиндрической формы из гофрированного железа. Первые строения такого типа были собраны в 1941 г. в городке Куонсет-Пойнт, штат Род-Айленд. Во время Второй мировой войны использовались в качестве временных армейских казарм или хозяйственных помещений.

Ричер улыбнулся, вспомнив, что в ее возрасте думал примерно так же и был возмущен и удивлен нелогичностью мира, в котором он должен жить.

– Совсем как начальная школа, – сказал он. – Начальная – значит легкая, так считается. Но я помню, что мне было совсем не легко, и я тогда думал, что школа должна называться «трудная школа».

Элли с серьезным видом посмотрела на него и сказала:

– А мне она не кажется трудной. Но может, в океане учиться сложнее.

– Или ты умнее меня.

Она задумалась над его словами.

– Я умнее некоторых ребят, – сказала она. – Например, умнее Пегги. Она застряла на словах из трех букв, а еще она думает, что слово «зоопарк» пишется с большой буквы.

У Ричера не нашлось подходящего ответа, и он надеялся, что Кармен ему поможет, но тут появилась официантка с оловянным подносом, на котором стояли три высоких бокала. Она с церемонным видом поставила их на стол, прошептала Элли: «Наслаждайся» – и ушла. Но бокалы оказались примерно в фут высотой, да еще соломинка добавляла шесть дюймов, а подбородок Элли едва доставал до стола, так что ее рот был далеко от того места, где ему хотелось быть.

– Хочешь, я подержу? – спросила Кармен. – Или встанешь на колени?

Элли задумалась, и Ричер понял, что эта малышка не при-

нимает легких поспешных решений. В этом она была чем-то похожа на него. Он всегда слишком серьезно относился к окружающему миру. Дети в каждой новой школе потешались над ним, правда, как правило, всего один раз.

– Я встану на колени, – сказала она наконец.

Получилось не совсем на колени. Элли встала на виниловую скамейку и наклонилась над столом, опершись ладонями возле основания бокала и наклонив над ним голову. Отличный способ, не хуже любого другого, подумал Ричер. Она начала втягивать в себя кока-колу, и он посмотрел на свой бокал, где плавал круглый жирный шарик мороженого. Кола оказалась слишком сладкой, словно ее сделали из разведенного в неправильной пропорции сиропа. Пузырьки были огромными и какими-то искусственными. Вкус у всего этого был ужасающий. Ничего общего с детскими воспоминаниями о летнем дне в Германии.

– Вам не нравится? – спросила Элли.

У нее был полный рот, и она слегка забрызгала его рукав.

– Я ничего не сказал.

– Вы сделали смешное лицо.

– Слишком сладко, – ответил Ричер. – Я боюсь за свои зубы. Да и твоим тоже не поздоровится.

Элли скорчила гримасу, словно показывала зубы дантисту.

– Не имеет значения, – заявила она. – Они все равно выпадут. У Пегги уже два выпало.

Затем она снова наклонилась к своему бокалу и допила кока-колу, а потом принялась тыкать в дно соломинкой, пока мороженое не растаяло, и тогда она его тоже высосала.

– Если хотите, я могу и ваше допить, – предложила она.

– Нет, тебя вытошнит в машине, – сказала ее мать.

– Не вытошнит, честное слово.

– Нет, – повторила Кармен. – А теперь сходи в туалет, ладно? До дома далеко.

– Я уже ходила, – возразила Элли. – Мы всегда ходим в школе, перед тем как выйти на улицу. Строем. Нам приходится. Водителю автобуса не нравится, когда мы писаем на сиденья.

Она с довольным видом рассмеялась.

– Элли! – возмутилась Кармен.

– Извини, мама. Но так делают только мальчишки. Я бы никогда не стала.

– Все равно сходи еще раз, ладно?

Элли театрально закатила глаза, перебралась через колени матери и помчалась в заднюю часть кафе. Ричер положил на счет бумажку в пять долларов.

– Замечательная девочка, – сказал он.

– Я тоже так думаю, – проговорила Кармен. – Ну, по большей части.

– Очень умная.

– Умнее меня, это точно, – кивнув, сказала она.

Он не стал ничего отвечать, просто сидел и наблюдал за

тем, как погрузнели ее глаза.

– Спасибо вам за угощение, – поблагодарила его Кармен.

– Я получил удовольствие. И новые впечатления, – ответил он, пожав плечами. – По-моему, я еще никогда не покушал кока-колу ребенку.

– Значит, у вас нет своих детей.

– Как-то не получилось.

– Ни племянников, ни племянниц? Ни маленьких кузенов?

Он покачал головой.

– Я сам был ребенком, – сказал он. – Когда-то очень давно.

Если не считать моих собственных воспоминаний, я об этом почти ничего не знаю.

– Через пару дней с нами Элли научит вас такому количеству самых разных вещей, что вы удивитесь. Да вы и сами, наверное, это поняли.

Она посмотрела мимо него, и он услышал шаги Элли. Пол был старым, под вспучившимся линолеумом завелись воздушные карманы, и ее башмачки издавали чавкающие звуки.

– Мама, поехали, – позвала она.

– Мистер Ричер тоже поедет с нами, – сказала Кармен. –

Он будет ухаживать за лошадьми.

Он встал и увидел, что девочка внимательно смотрит на него.

– Ладно, – сказала она. – Ну давай, поедем уже.

Они вышли наружу, где по-прежнему царило палящее

солнце. День близился к вечеру, но стало только еще жарче. «Форд-краун» уехал. Они обошли машину, и Элли забралась на заднее сиденье. Кармен несколько минут сидела, положив руку на ключ зажигания и закрыв глаза, потом открыла их и завела двигатель.

Она проехала назад через перекресток, мимо школы и еще миль шестьдесят прямо на юг. Очень медленно, примерно в два раза медленнее, чем раньше. Элли не возмущалась. Ричер решил, что, по ее представлениям, это было нормально. Он уже понял, что Кармен никогда не возвращалась домой на большой скорости.

По дороге им почти ничего особенного не встретилось. Слева ритмично подрагивали на ветру провода линии электропередач между обожженными солнцем столбами. Тут и там попадались ветряные мельницы и нефтяные насосы, часть из них работала, но большинство замерло в неподвижности. На западной стороне дороги, на краю старого поля, стояли устройства для ирригации, безмолвные и покрытые ржавчиной, потому что ветры сделали эти земли бесплодными. Кое-где осталась только селитра, так что поливать было особенно нечего. Восточная сторона дороги выглядела лучше: мескистовые деревья занимали обширные пространства, а временами попадались участки настоящей травы, принимавшие самые неожиданные очертания, словно там под землей имелась вода.

Примерно каждые десять или двенадцать миль они проезжали мимо ворот ранчо, одиноко стоящих у обочины. Все ворота были простой прямоугольной формы, около пятнадцати футов в ширину и столько же в высоту, а за ними уходили вдаль разбитые колеи. На некоторых воротах Ричер замечал названия ранчо, составленные из букв, вырезанных из дерева и прибитых гвоздями. На других названия были выкованы из железа и представляли собой затейливую вязь. Кое-где ему удалось разглядеть по центру выгоревшие головы животных с длинными рогами, выставленными вперед, точно крылья стервятников. В некоторых местах виднелась старая колючая проволока, которая бесцельно тянулась вдаль, отмечая прежние границы. Проволока крепилась к покосившимся деревянным столбикам, выглядевшим так, словно они превратятся в пыль, стоит до них дотронуться.

Некоторые ранчо удавалось разглядеть, если позволял рисунок местности. Там, где земля была плоской, вдали виднелось скопление строений. Двухэтажные, в основном выкрашенные белой краской дома в окружении низких сараев и пристроек. Позади них стояли ветряные мельницы, на крышах торчали спутниковые антенны, а сами дома казались тихими и оглушенными жарой. Солнце клонилось к западу, но температура воздуха на улице оставалась сорок градусов.

– Думаю, дело в дороге, – проговорила Кармен. – Она целый день впитывает солнце, а потом отдает его жар.

Элли заснула, устроившись на заднем сиденье. Голову она

положила на портфель, касаясь щекой края бумаг, в которых говорилось, как ее матери сбежать от отца.

– Здесь начинаются владения Гриров, – сказала Кармен. – Слева. Следующий поворот наш, примерно через восемь миль.

Плоская равнина справа полого поднималась, превращаясь в невысокие холмы, расположенные примерно в миле на западе. Слева Гриры обнесли свою собственность колючей проволокой гораздо более высокого качества, чем у большинства местных жителей. Выглядела она так, словно ее перетянули лет пятнадцать назад. Линия довольно прямо уходила на восток, отгораживая заросший зеленой и коричневой травой луг. Далеко впереди виднелся лес нефтяных вышек, которые четко вырисовывались на фоне ясного неба. Их окружали металлические хижины и брошенное оборудование.

– Грир Третий, – сообщила Ричеру Кармен. – Большое поле. Дед Слупа заработал на нем огромные деньги. Примерно сорок лет назад месторождение истощилось. Но в семье любят рассказывать историю о том, как здесь обнаружили скважину и из нее забила нефть. Это самое волнующее приключение, какое им когда-либо довелось пережить.

Кармен немного сбросила скорость, и Ричер понял, что она оттягивает необходимость проехать последние мили. Вдалеке дорога уходила в сияющую дымку, и Ричер увидел, что колючая проволока уступила место нелепому частоко-

ду. Он стоял у самой дороги, совсем как в Новой Англии, только его выкрасили в тускло-красный цвет. Примерно через полмили находились ворота ранчо, тоже красные, а дорога продолжала бежать дальше и исчезала из виду. За воротами начинались строения, гораздо ближе, чем на других увиденных Ричером ранчо. Там стоял большой старый двухэтажный дом с высокой трубой и одноэтажными пристройками, а вокруг него расположились сараи и скотные дворы. Отдельные участки территории были обнесены заборами. И все выкрашено в тускло-красный цвет, все строения и заборы. Низко висящее оранжевое солнце обливало их своими лучами, и они сияли и мерцали, превращаясь в миражи.

Когда начался красный забор, Кармен поехала еще медленнее. На последних ста ярдах она вообще убрала ногу с педали газа, а затем свернула по наезженной дороге к воротам. Высоко у них над головами к воротам была прикреплена красная деревянная табличка с красными деревянными буквами. Она гласила: «Красный дом». Кармен посмотрела на нее и сказала:

– Добро пожаловать в ад.

Красный дом занимал главенствующее место среди четырех внушительных строений. Широкое дощатое крыльцо украшали деревянные колонны, на которых висел на цепях гамак. Примерно в восьмидесяти ярдах за домом расположился гараж, но Кармен не смогла подъехать, потому что

полицейская машина припарковалась поперек подъездной дорожки, преградив ей путь. Это был старый «шевроле-каприс», черно-белый, с эмблемой шерифа округа Эхо на двери, где прежде было написано что-то другое. Видимо, власти округа купили его у прежних владельцев где-нибудь в Далласе или Хьюстоне, перекрасили и отправили служить сюда.

Внутри никого не было, дверь со стороны водителя осталась распахнутой. На крыше пульсировал красно-голубой свет, метавшийся по крыльцу и передней части дома.

– Что случилось? – удивленно спросила Кармен и в ужасе поднесла руку к губам. – Боже мой, неужели он уже вернулся? Господи, только не это!

– Копы не станут привозить его домой, – сказал Ричер. – Они не занимаются пассажирскими перевозками.

У них за спиной проснулась Элли. Мотор больше не урчал, машина замерла и не двигалась. Девочка села и с интересом выглянула наружу.

– Что это? – спросила она.

– Шериф приехал, – ответила Кармен.

– Зачем он приехал? – спросила Элли.

– Я не знаю.

– А почему огоньки мигают?

– Я не знаю.

– Кто-то позвонил в «девять-один-один»? А вдруг в дом забрался грабитель? Он, наверное, был в маске и что-то украл.

Она проползла вперед и уселась на мягкую ручку между передними сиденьями. Ричер снова почувствовал запах школы и увидел на лице девчушки восторженное любопытство, которое тут же сменилось страхом.

– А вдруг он украл лошадь? – вскричала Элли. – Моего пони, мама!

Она перебралась через колени Кармен, повозилась с ручкой, выскочила из машины и помчалась через двор, прижимая локти к бокам и быстро перебирая маленькими ножками. Ее хвостик смешно подпрыгивал на бегу.

– Не думаю, чтобы кто-нибудь украл лошадь, – сказала Кармен. – Наверное, Слуп вернулся домой.

– С включенными сигнальными огнями? – спросил Ричер. Кармен отстегнула ремень безопасности, повернулась и поставила ноги на землю. Затем встала и посмотрела в сторону дома, положив руки на дверь, словно эта дверь могла ее от чего-то защитить. Ричер последовал ее примеру и тоже выбрался из машины. Его тут же обдало волной горячего воздуха. Из полицейской машины доносились щелчки и голоса из рации.

– Может быть, они ищут вас, – предположил он. – Вы не ночевали дома. Они могли сообщить в полицию, что вы пропали.

Кармен покачала головой:

– Элли была здесь, а до тех пор, пока они знают, где она находится, им плевать, где буду находиться я.

Она несколько мгновений постояла, затем сделала шаг в сторону и закрыла за собой дверь. Ричер сделал то же самое. Примерно в двадцати футах от них открылась дверь, и на крыльце появился мужчина в форме. Судя по всему, шериф. Лет шестидесяти, явно страдающий избыточным весом, с черной от загара кожей и облепившими голову жидкими седыми волосами. Он был в черных брюках и белой форменной рубашке с погонами и вышивкой на плечах. Картину дополнял широкий поясной ремень с кожаной кобурой, из которой выглядывала деревянная ручка револьвера. Шериф вышел из полумрака дома, слегка повернувшись назад, а когда дверь за ним закрылась, шагнул было к своей машине, но замер на месте, увидев Кармен, и прикоснулся указательным пальцем ко лбу, не слишком старательно изобразив салют.

– Миссис Грир, – сказал он так, словно она в чем-то провинилась.

– Что случилось? – спросила она.

– Вам скажут те, кто внутри, – ответил шериф. – Слишком жарко, чтобы повторять всю историю дважды.

Он перевел взгляд на «кадиллак» и увидел Ричера.

– А вы кто такой? – спросил он.

Ричер ничего не ответил.

– Вы кто? – повторил шериф.

– Я скажу тем, кто внутри, – проговорил Ричер. – Слишком жарко, чтобы повторять всю историю дважды.

Шериф окинул его спокойным внимательным взглядом и

кивнул, словно все это уже видел. Затем забрался в свою подержанную машину, завел двигатель и задом выехал на дорогу. Когда поднятая им пыль опустилась, в том числе и на ботинки Ричера, тот увидел, что Кармен выехала на дорожку, ведущую к гаражу – длинному низкому сараю без передней стены, выкрашенному в красный цвет, как и все остальное. Внутри стояли два пикапа и джип «чероки». Один из пикапов был новым, а другой сидел на спущенных шинах и выглядел так, словно его не сдвигали с места лет десять. За гаражом узкая земляная дорога уходила в бесконечную пустыню. Кармен поставила «кадиллак» рядом с джипом и вышла на солнце. Она казалась в этом дворе маленькой и чужой, как орхидея в куче мусора.

– Итак, где находится дом для наемных работников? – спросил Ричер.

– Идите за мной, – сказала она. – Вам все равно придется с ними встретиться. Они ведь должны нанять вас на работу. Вы не можете просто пойти и устроиться в доме для работников.

– Ладно, – не стал спорить Ричер.

Она не спеша повела его к крыльцу, медленно поднялась по ступеням, остановилась перед дверью и постучала.

– Вы что, должны стучать? – спросил Ричер.

– Мне не дают ключа, – кивнув, сказала она.

Они стали ждать, Ричер позади Кармен, как и полагается наемному работнику. Вскоре он услышал внутри шаги, и

дверь распахнулась. На пороге стоял мужчина лет двадцати пяти, не снимая руки с внутренней ручки двери. У него было крупное квадратное лицо, покрытое красными и белыми пятнами, и неуклюжее тело, какое бывает, когда юношеские мускулы превращаются в жир. Он был в полотняных джинсах, грязной футболке с закатанными рукавами, обтягивающими то, что раньше было бицепсами, и бейсбольной кепке, повернутой козырьком назад. Над пластиковой застежкой виднелся полукруг лба, сзади из-под козырька торчали волосы, точно такие же, как у Элли. От него пахло потом и пивом.

– Это ты, – сказал он, взглянув на Кармен, и сразу отвернулся.

– Бобби, – проговорила она.

И тут он увидел Ричера.

– А кто твой дружок?

– Его зовут Ричер. Он ищет работу.

– Ладно, заходите, – сказал он, немного подумав. – Оба.

И дверь закройте. Жарко.

Он повернулся в сумрак дома, и Ричер увидел букву «Т» на кепке. «„Техасские рейнджеры“, – подумал он. – Хороший клуб, но не слишком». Кармен следовала за Бобби в трех шагах, словно гостья войдя в дом, где она прожила семь лет. Ричер шел за ней.

– Брат Слупа, – прошептала она.

Ричер кивнул. В коридоре было темно, но он сумел раз-

глядеть, что и внутри все выкрашено в красный цвет – деревянные стены, полы и потолок. В большинстве мест краска почти стерлась или вовсе исчезла, остались лишь ее следы, похожие на пятна. Где-то в доме медленно, с тихим гудением и скрежетом работал древний кондиционер, освежая воздух всего на пару градусов. Его мирное жужжание напоминало тиканье часов. Коридор был размером с номер мотеля и заставлен дорогой, но старой мебелью, словно в семье несколько десятилетий назад закончились деньги. Или их было так много, что удовольствие, которое получаешь, когда их тратишь, давным-давно потеряло свою остроту. На одной стене Ричер успел заметить громадное зеркало в роскошной раме, выкрашенной красной краской. Напротив него имелась стойка с шестью охотничьими ружьями. Она отражалась в зеркале, создавая впечатление, будто весь коридор заполнен ружьями.

– Чего хотел шериф? – спросила Кармен.

– Зайди сначала внутрь, – ответил Бобби.

«Мы уже внутри», – подумал Ричер, но вскоре понял, что тот имел в виду гостиную, большую красную комнату в задней части дома. Когда-то здесь, судя по всему, была кухня, впоследствии переделанная. Через проем в старой стене дома гостиная соединялась с новой кухней, пристроенной лет пятьдесят назад. Здесь, как и везде, виднелись пятна старой, облезшей краски на стенах и мебели. Вокруг большого стола, какие нередко увидишь в фермерских домах, стояло восемь

стульев из простой сосны, когда-то выкрашенных в красный цвет, но побелевших в тех местах, где их касались тела людей.

На одном из них сидела женщина за пятьдесят. Из тех, что продолжают одеваться так, как одевались прежде, забыв о своем возрасте. Она была в обтягивающих джинсах с ремнем и блузке с бахромой. Волосы ярко-рыжего цвета убраны в молодежную прическу, открывающую лицо. Она выглядела как двадцатилетняя девушка, слишком рано постаревшая из-за какой-то редкой болезни. Или потрясения. Наверное, шериф усадил ее за стол и сообщил неприятную новость. Женщина показалась Ричеру рассеянной и немного смущенной, но еще он увидел в ней властность и былую силу. Она была похожа на Техас, частью которого владела, могучий и просторный, переживающий трудности, но знававший лучшие времена.

– Чего хотел шериф? – снова спросила Кармен.

– Кое-что случилось, – сказала женщина, и по ее тону Ричер понял, что новости не слишком хорошие.

Он увидел, как в глазах Кармен вспыхнула и тут же погасла надежда. В комнате воцарилась тишина, и женщина повернулась к нему.

– Его зовут Ричер, – сказала Кармен. – Он ищет работу.

– Откуда он?

Ее голос прозвучал резко и повелительно. «Я здесь главная», – говорил ее тон.

– Я подобрала его на дороге, – ответила Кармен.

– Что он умеет?

– Он работал с лошадьми. Может быть кузнецом.

Ричер смотрел в окно, пока Кармен врала насчет его умений. За всю свою жизнь он ни разу не подходил близко к лошадям, разве что видел конюшни на старых военных базах, где держали лошадей для торжественных церемоний. В принципе он знал, что кузнец делает подковы, такие железные штуки, которые прибивают гвоздями к ногам лошадей. (Или к копытам?) Еще ему было известно, что для данного процесса нужна угольная жаровня и кузнечные мехи и что требуется долго и ритмично колотить молотом по наковальне, а потом опустить то, что у тебя получилось, в воду. Но он никогда в жизни не держал в руках подкову. Время от времени он замечал их над дверями домов, в одних странах они висели вверх концами, в других – вниз. Но больше он ничего про них не знал.

– Хорошо, поговорим об этом позже, – сказала женщина. – Есть вопросы поважнее.

Но тут она, видимо, вспомнила о правилах приличия и представилась:

– Я – Расти Грир.

– Как знаменитый игрок? – спросил Ричер.

– Я была Расти Грир еще до того, как он появился на свет, – заявила женщина и показала на Бобби. – С моим сыном Робертом вы уже познакомились. Добро пожаловать на

ранчо «Красный дом», мистер Ричер. Может быть, мы сумеем найти вам работу. Если вы честный человек и не лентяй.

– Чего хотел шериф? – в очередной раз спросила Кармен.

Расти Грир повернулась и посмотрела на нее.

– Пропал адвокат Слупа, – сказала она.

– Что-о?

– Он ехал в федеральную тюрьму, чтобы встретиться со Слупом, но так туда и не добрался. Полиция штата нашла его машину брошенной на дороге к югу от Абилина. Она стояла пустая, в многих милях от чего бы то ни было, ключи в зажигании. Ситуация выглядит не слишком приятно.

– Ал Юджин?

– А как ты думаешь, сколько у Слупа адвокатов?

Она не произнесла этого вслух, но Ричер услышал в ее интонации: «Идиотка». В комнате воцарилась тишина. Кармен побледнела и прижала руку ко рту, напряженные, растопыренные пальцы прикрыли губы.

– Может быть, машина сломалась, – предположила она.

– Копы ее проверили, – сказала Расти. – Она в отличном состоянии.

– Тогда где он?

– Я же тебе только что сказала: он исчез.

– Его искали?

– Естественно, искали. И не смогли найти.

Кармен сделала глубокий вдох, потом еще один.

– Это что-нибудь меняет?

– В смысле, вернется ли Слуп домой?

Кармен едва заметно кивнула, словно отчаянно боялась услышать ответ.

– Можешь не волноваться, – успокоила ее Расти. – Слуп будет дома в понедельник, как и планировалось. То, что Ал пропал, ничего не меняет. Шериф ясно дал нам это понять. Сделка заключена.

Кармен довольно долго молчала, закрыв глаза и прижимая пальцы к дрожащим губам. Затем заставила себя опустить руку и натянуто улыбнулась.

– Хорошо, – сказала она.

– Да, хорошо, – проговорила ее свекровь.

Кармен кивнула, но Ричеру показалось, что она вот-вот потеряет сознание.

– Как вы думаете, что с ним могло произойти? – спросила она.

– А мне откуда знать? Думаю, какие-то неприятности.

– Но кто станет устраивать Алу неприятности?

Улыбка Расти превратилась в насмешливую гримасу.

– Попытайся сама догадаться, дорогуша, – ответила она.

– Что это значит? – широко раскрыв глаза, спросила Кармен.

– То и значит. Кому придет в голову устраивать неприятности своему адвокату?

– Я не знаю.

– А я знаю, – заявила Расти. – Тому, кто покупает боль-

шой подержанный «мерседес-бенц» и по какой-то причине попадает в тюрьму. Вот кому.

– И кто же это мог быть?

– Да кто угодно. Ал Юджин неразборчив в выборе клиентов. У него нет принципов. Да и вообще он не слишком честный человек. А может, и вовсе не честный, судя по тому, что я знаю. Три четверти его клиентов – люди не того сорта.

Кармен побледнела еще сильнее:

– Не того сорта?

– Ты прекрасно понимаешь, о чем я говорю.

– Вы имеете в виду мексиканцев? Так почему бы не сказать прямо?

Расти продолжала улыбаться.

– Хочешь сказать, я не права? Какой-нибудь мексиканский мальчишка угодил в тюрьму, но он не хочет честно принять заслуженное наказание. Нет, он винит во всем своего адвоката, а потом начинает настраивать против него своих братьев и кузенов, и, разумеется, их у него тут великое множество, они притащились за ним, все до единого нелегальные эмигранты. Они сколачивают банды, и видишь, что из этого получается? Совсем как в Мексике. Впрочем, тебе лучше других известно, как все происходит.

– Да почему мне лучше других? Я даже никогда не была в Мексике!

Никто не ответил на это. Ричер наблюдал за Кармен, оскорбленной, гордой и одинокой, пленницей во вражеском

лагере. В комнате царила тишина, которую нарушал лишь тихий треск и шелест кондиционера, находившегося где-то в доме.

– А у вас есть какое-то мнение, мистер Ричер? – спросила Расти Грир.

У Ричера возникло ощущение, будто ему задали хитроумный вопрос на собеседовании по поводу принятия на работу. Он хотел бы придумать какой-нибудь умный ответ. Своего рода отвлекающий маневр. Но было не слишком разумно вступать с ними в сражение в первые десять минут знакомства, чтобы его тут же вышвырнули вон.

– Я просто ищу работу, мэм, – сказал он.

– Но меня все же интересует ваше мнение.

Точно, собеседование. Оценка качеств личности. Видимо, она хочет, чтобы навоз за ее лошадьми убирал человек того сорта.

– Мистер Ричер был копом, – сказала Кармен. – В армии.

– Итак, – подхватила Расти, – что вы думаете по этому поводу, бывший армейский коп?

Ричер пожал плечами:

– Возможно, этому есть самое невинное объяснение. Например, у него случился нервный срыв и он отправился погулять.

– Звучит не слишком правдоподобно. Теперь я понимаю, почему вы бывший коп.

В комнате повисло молчание.

– Ну, если у него возникли проблемы, возможно, их устроили белые ребяташки, – сказал Ричер.

– Такое мнение не будет здесь самым популярным, сынок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.